A CENTURY OF POLITICAL LIFE IN RUSSIA (1800-1896).

Изданій Фонда В. Р. П.
Вып. 23-й

Цѣна:
6 ш. (8 фр., 2 долл.)

ЗА СТО ЛѢТЪ

(1800—1896)

СБОРНИКЪ

ПО ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

(ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ)

Составилъ

Вл. Бурцевъ

при редакціонномъ участіи *С. М. Кравчинскаго (Степняка)*

1897.

Published by the «Russian Free Press Fund»

15, Augustus Road, Hammersmith, London, W., England.

[All rights reserved.]

ПИСЬМА И ДЕНЬГИ ДЛЯ ГЛАВНАГО СКЛАДА АДРЕСОВАТЬ:
L. Coldenberg, 15 Augustus Rd., Hammersmith, London, W. England.

ИЗДАНІЯ ФОНДА.

1-ый выпускъ. — «Чего намъ нужно». **С. Степняка.** Цѣна 2 пен.
2-ой выпускъ.—«Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 2 пен.
3-ій выпускъ.—»Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 4 пен.
4-ый выпускъ.— «П. К. Домбровскій, Членъ '*Пролетаріата*'». (Революціонеръ Самоучка). Біогр. очеркъ. 2 п.
5-ый выпускъ.—«Чудная». Очеркъ. **В. Короленко.** 1 п.
6-ой выпускъ,—«Подпольная Россія». **С. Степняка.** 2 шил.
Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 3 шил. 3 пен.
7-ой выпускъ.—«Конституція графа Лорисъ-Меликова». 3 п.
8-ой выпускъ.—«Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 4 пен.
9-ый выпускъ.— «Кто чѣмъ живетъ». **С. Никитейна.** Народное изданіе съ портретомъ автора. 3 пен.
10-ый, 11-ый и 12-ый выпуски.— «Азбука соціальныхъ наукъ». **П. Флеровскаго.** Цѣна 2 шил.
13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драмат. сцены. **Н. Старикова.** 3 п.
14-й выпускъ.—«Воспом. о Чернышевскомъ». **В. Короленко.** 6 п.
15-ый выпускъ.— «Письмо Императору Александру III». **М. Цебриковой.** Съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану. 4 пен.
16-ый выпускъ.— «Проектъ Русской Конституціи», составленной въ Россіи. Со статьей **С. Степняка.** 6 пен.
17-ый выпускъ.— «Насущный вопросъ». Брошюра партіи Народнаго Права 6 пен.
18-ый выпускъ.—«Ходатайство Русскихъ Литераторъ объ облегченіи цензуры». 4 пен.
19-ый выпускъ.—«Гоненія на духоборцевъ». 10 пен.
20-ый выпускъ.—«Подвиги А. А. Кривошеина». 6 пен.
21-ый выпускъ.—«По ошибкѣ». П. А. Тверского. 6 пен.
22-ой выпускъ.—«Нынѣшняя русская конституція». 10 пен.
«Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого». 10 пен.

ФОНДОМЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

публикуется непеpіодическое изданіе «Летучіе Листки».

Осталось небольшое число комплетовъ «Летучихъ Листковъ» №№ 1—40. Ц. 8 ш. (10 фр. 3 дол.)

ИЗДАНІЯ Ал. Ив. ГЕРЦЕНА:

Сочиненія Герцена.

Былое и думы. (3 тома). 1 ф. 2 ш.
Кто виноватъ? (2 части). 6 ш.
Письма изъ Франціи и Италіи. 8 ш.
Прерванные разсказы. 5 ш.
Русскій Народъ и Соціализмъ. 2 ш.
Старый міръ и Россія. 2 ш.
Съ того берега. 6 ш.
Тюрьма и ссылка. 5 ш.
14 декабря 1825. 7 ш. 6 п.

(Продолженіе см. на предпослѣднюю страницу обертки).

A CENTURY OF POLITICAL LIFE IN RUSSIA (1800-1896).

Изданій Фонда В. Р. П.
Вып. 23-й

Цѣна:
6 ш. (8 фр., 2 долл.)

ЗА СТО ЛѢТЪ

(1800 – 1896)

СБОРНИКЪ

ПО ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

—(въ двухъ частяхъ)—

Составилъ

Вл. Бурцевъ

при редакціонномъ участіи *С. М. Кравчинскаго (Степняка)*

1897.

Published by the «Russian Free Press Fund»

15, Augustus Road, Hammersmith, London, W., England.

[All rights reserved.]

Slav 1452.29*

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
FEB 13 1940

45-177
3319
26

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Съ выходомъ въ свѣтъ «Календаря Народной Воли» въ 1883 г. прошло уже болѣе тринадцати лѣтъ, а настоятельнѣйшая потребность въ болѣе полной и систематической справочной книгѣ по исторіи революціонныхъ и общественныхъ движеній въ Россіи, хотя бы за текущее столѣтіе, остается неудовлетворенной. Подневольное положеніе русской цензурной печати не допускаетъ возможности даже самыхъ скромныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Свѣдѣнія о самыхъ крупныхъ событіяхъ политической жизни и политическаго творчества русскаго народа или утаиваются, замалчиваются и умышленно искажаются, или же гніютъ въ архивахъ, разбросанными по столькимъ изданіямъ и въ такомъ необработанномъ видѣ, что пользоваться ими могутъ лишь спеціалисты и люди науки. Вынести эти свѣдѣнія на свѣтъ божій и представить публикѣ въ болѣе или менѣе обработанной формѣ, или по крайней мѣрѣ указать на ихъ существованіе есть,—очевидно, дѣло вольнаго печатнаго станка и тѣхъ русскихъ, для которыхъ въ этомъ случаѣ особенно дорога истина, т. е. пополненіе этихъ пробѣловъ нашей исторической литературы. И дѣйствительно, въ попыткахъ осуществить такую мысль среди различныхъ группъ русскихъ эмигрантовъ недостатка не было: не разъ уже составлялись проэкты, обсуждались программы и даже распредѣлялись работы по составленію такого труда; но дѣло всегда разстраивалось главнымъ образомъ изъ за недостатка въ матерьяльныхъ средствахъ какъ для самаго изданія, такъ и для составленія рукописи, т. е. кропотливаго собиранія сыраго матерьяла по газетамъ, журналамъ, мемуарамъ и т. п., что требуетъ труда не одного человѣка и не одного мѣсяца. — Наконецъ въ 1895 г. усиліями нѣкоторыхъ изъ членовъ Фонда В. Р. П. удалось обезпечить необходимыя на то и другое матерьяльныя средства, подъ условіемъ ихъ отвѣтственности за добросовѣстное и обстоятельное исполненіе всего дѣла. Тогда же былъ организованъ издательскій комитетъ будущаго «Политическаго Календаря или Альманаха», намѣченъ его планъ и рѣшено поручить составленіе рукописи В. Л. Бурцеву, какъ человѣку, уже работавшему въ этомъ направленіи, а ближайшую редакцію С. М. Кравчинскому-Степняку. Скоро, впрочемъ, оказалось, что для выполненія первоначальнаго плана, т. е. для составленія книги изъ четырехъ отдѣловъ - «Хроники, Документовъ, Пол. Процессовъ и Библіографіи» — нужны большія средства и болѣе полный матерьялъ, чѣмъ какіе имѣлись въ распоряженіи Комитета, поэтому было рѣшено ограничиться на первый разъ двумя смѣшанными отдѣлами, какъ это и выполнено въ выходящемъ теперь «Сборникѣ за сто лѣтъ», т. е. I. Матерьялами, куда вошли въ хронологическомъ порядкѣ документы и отрывки изъ программъ, рѣчей и характерныхъ статей (частью составляющихъ уже библіографическую рѣдкость), дающихъ понятіе объ эволюціи русской политической мысли дѣятельнаго типа, и II. Хроники и Библіографіи съ возможно обстоятельнымъ алфавитнымъ указателемъ лицъ и событій отъ 1800 до 1897 гг.

Кромѣ того по первоначальному плану предполагалось всему Сборнику предпослать руководящую статью С. М. Кравчинскаго, которая

связала бы отрывочные факты Хроники въ одно живое цѣлое. Къ сожалѣнію преждевременная смерть помѣшала покойному Кравчинскому сдѣлать это, и теперь найдено удобнымъ, ради большей объективности книги, выпустить ее совсѣмъ безъ такой руководящей статьи: факты русской скрываемой политической исторіи достаточно краснорѣчивы сами по себѣ.

Неблагодарный и кропотливый, но существенно важный трудъ собиранія сыраго матерьяла, а равно и обработка его — особенно въ Хроникѣ и Библіографіи — всецѣло принадлежитъ В. Бурцеву, въ чемъ ему временно помогали, работая по его указаніямъ, В. П. Жукъ и Ад. Рублевъ. Первоначальная оцѣнка матерьяла и редактированіе рукописи до 1896 г., въ ея первоначальномъ видѣ, была сдѣлана С. М. Кравчинскимъ; измѣненія же и дополненія, которыя оказались необходимыми со времени его смерти, особенно въ I части, дѣлались коллективно составителемъ вмѣстѣ съ наличными членами Фонда В. Р. П., а иногда при участіи и другихъ товарищей, имѣвшихъ сдѣлать какія нибудь цѣнныя сообщенія по обсуждаемому вопросу. Къ этому коллективному собранію и относятся помѣтки «Ред.» въ I части книги.

Отвѣтственность за «Алфавитный указатель» и другія добавочныя страницы «Сборника» лежитъ цѣликомъ на этой «редакціи», такъ какъ они сдѣланы безъ участія составителя остального текста.

Характеръ «Сборника», какъ справочной книги, долженъ исключать всякую партійность, и на эту сторону дѣла было обращено особое вниманіе. Выпуская въ свѣтъ эту первую попытку отвѣтить насущной потребности въ справочной книжкѣ по исторіи русскихъ движеній, мы надѣемся, что товарищи въ Россіи и заграницей, и вообще всѣ русскіе люди, которымъ дорога истина и судьба ихъ родины, помогутъ намъ словомъ и дѣломъ въ дальнѣйшемъ улучшеніи этой работы какъ со стороны исправленія и дополненія ея теперешняго текста, такъ и со стороны ея развитія по болѣе широкому плану, такъ чтобы она со временемъ стала настольной книгой всякаго мыслящаго русскаго человѣка. — Всѣ указанія, обоснованныя исправленія, документы и иные матерьялы, присланные по адресу Фонда В. Р. П: въ Лондонѣ, будутъ тщательно сохранены и утилизированы или въ формѣ дополнительныхъ выпусковъ, или при слѣдующемъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи «Сборника».

Въ заключеніе выражаемъ нашу искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, съ полнымъ довѣріемъ снабдившимъ насъ и средствами, и нѣкоторыми матерьялами для этого изданія.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*Volkhovsky*), 176 *Lancaster Rd., Notting Hill, London, W.*

Е. Лазаревъ (*E. Lazarev*), *Baugy sur Clarens, Suisse.*

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky*), *Harrow, England.*

Л. Шишко (*L. Shishko*), 16 *Rue Antoine Roucher, Paris, France.*

Л. Гольденбергъ (*L. Goldenberg*), 15 *Augustus Road, Hammersmith, London, W.*

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ «СБОРНИКОМЪ».

Въ I части находятся всѣ общія характеристики движеній, и ключемъ къ ней служитъ „Оглавленіе", въ началѣ книги. Жирныя цифры подъ заголовками и въ текстѣ первой части указываютъ на соотвѣтствующіе годы во II части, гдѣ можно найти дальнѣйшія свѣдѣнія объ томъ же предметѣ.

Всѣ детальныя свѣдѣнія о событіяхъ, личностяхъ и изданіяхъ помѣщаются во II ч., ключемъ къ которой служитъ „Алфавитный указатель", въ концѣ книги. Жирныя цифры въ текстѣ II части указываютъ на другіе годы той же II части, гдѣ помѣщаются свѣдѣнія о томъ же.

Насколько позволяла полнота матерьяла, факты хроники и библіографіи каждаго года расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Событія общественной важности и аресты (по возможности съ указаніемъ мѣста и мѣсяца); Побѣги; Суды: Распоряженія правительства; Литература (нецензурная и цензурная); Некрологи (ссыльныхъ и заключенныхъ, и свободныхъ людей).

СОКРАЩЕНІЯ.

ар. - - арестъ, арестованъ.
"ВЕ" - - Вѣстникъ Европы.
"ВО" - - Восточное Обозрѣніе.
"ВНВ" - - Вѣстникъ Народ. Воли.
в. к. - - вѣчная каторга.
в.о.с. - - Военно-Окруж. Судъ.
"Восп." - - Воспоминанія.
в.п.с. - Военно-полевой Судъ.
"В. Сиб." - - Восточ. Сибирь.
"Впер." - - "Впередъ".
"ВС" - - Вольное Слово.
д. - - дѣло.
"Д. П. З." - - Домъ Предв. Закл.
"ЖМНП" - - Жур. Мин. Нар. Пр.
"Зап." - - Записки.
"З. и В." - - Земля и Воля.
"ИВ" - - Историч. Вѣстн.
"И. Сб." - - Историч. Сборникъ.
каз. - - казненъ (на)
к. или кат. - - каторга.
к. р. или к. раб. - - Каторж. работа.
"КнВ" - - Книж. Вѣстникъ.
"Кол." - - "Колоколъ."
"ЛЛ" - - Летучіе Листки Ф.В.Р.П.
"ЛЛНВ" - - Лет. Лис. Народ. Воли.
"Мат." - - Матерьялы для ист. с. р-дв.
"МВ" - - Московс. Вѣдом.
(М. В. Д.) - - Минист. Вн. Дѣлъ.
"Наб." - - "Наботъ".
"Н. В." - - Народ. Воля.
"Нед." - - Недѣля.
"Общ." - - "Община".
Общ. (безъ ковычекъ) - - Общество.
"Общ. Д." или "ОД" - - Общее Дѣло
"ОЗ" - - Отечеств. Записки.
"П. С. З." - - Полн. Собр. Зтконовъ.
Проц. - - процессъ.
Пос. - - поселеніе.
5 л. к. - - пять лѣтъ каторги.
раб. д. - - рабочій домъ.
"РА" - - Русскій Архивъ.
Расп. п—а - - Распор. Правительства
"РВ" - - Русскій Вѣстн.
"Р.Вѣд." - - Рус. Вѣдомости.
"РИ" - - Русскій Инвалидъ.
"РМ" - - Русская Мысль.
р. - - родился (ась)
"РОб" - - Русское Обозрѣніе.
"РС" - - Русская Старина.
„СВ" - - Сѣвер. Вѣстникъ.
см. к. - - смертная казнь.
(соч.) - - сочиненія.

ссыл. - - ссылка.
ст. - - статья.
(с. п. или с. пос.) - - Ссылка на пос.
с. ж. - - ссылка на житье.
с. о. - - Сѣвер. Общ. (декабр.)
"Соц. Дем." - - „Соціаль Демократъ"
"Соц." - - "Соціалистъ"
"С. Поч." - - Сѣвер. Почта.
"С. Пч." - - Сѣвер. Пчела.
т. з. - - тюремное заключ.
"Ф.В.Р.П." - - Фонд. Вольн. Рус. Прес
ю. с. - - Южное Общ. (декаб.)
"ЮВ" (Ю. Вѣс.) - - Юридич. Вѣстн.
Шлис. - - Шлиссельб. крѣпость.
† - - умеръ (ла).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

въ I части.

Стран.	Строка	Читай:
18	10 снизу	**70** (вм. **07**).
33	14 снизу	имѣетъ (вм. неимѣетъ).
160	7 сверху	съ сочувственнымъ (вм. съ чувствен.).
189	15 снизу	удѣлить (вм. удалить).

во II части.

4	1 сверху	составленіе (вм. оставленіе).
28	19 сверху	819 (вм. 820).
28	4 снизу	47 (вм. 45).
39	7 сверху	48 (вм. 49).
39	27 сверху	44 (вм. 43).
43	1 сверху	70 (вм. 78).
50	5 сверху	71 (вм. 70).
60	7 снизу	Сѣраковскій (вм. Сѣрошевскій).
66	12 сверху	58 (вм. 60).
66	12 сверху	65 (вм. 66).
71	20 сверху	65 (вм. 64).
72	26 сверху	«Душа человѣка и животныхъ» (вм. «Душа и тѣло»).
72	16 снизу	65 (вм. 64).
81	20 сверху	Тейльсъ (вм. Тельсіевъ).
81	9 снизу	3—го (вм. Тихомирова).
90	17 сверху	94 (вм. 95).
101	18 снизу	90 (вм. 92).
108	9 снизу	79 (вм. 98).
108	1 снизу	81 (вм. 84).
110	13 сверху	Мальчинскій (вм. Малышинскій).
112	20 снизу	85 (вм. 80).
115	114 сверху	Чуйковъ (вм. Чуйко).
122	8 сверху	освобожденъ въ 95 г. (вм. сошелъ съ ума въ Ш.).
125	6 сверху	83 (вм. 84).
128	10 снизу	А. В. Головнинъ (вм. Головинъ).
142	20 снизу	Варв. Александрова (вм. Людм. А.).

ЗА СТО ЛѢТЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Оглавленіе I части.

I ДЕКАБРИСТЫ Заговоръ 1825 г.
(Изъ статьи А. А. Герцена) 1
II УКРАИНСКІЕ ПАНСЛАВИСТЫ (1847—85)
Программа Украинскихъ панс. 1846 г.
III ПЕТРАЩЕВЦЫ (1849 г.) 1) изъ "Мнѣнія Липранди" 54
2) Изъ дневника пор. Монбели 17
3) Объязательная подписка 17
IV АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНЪ (1834—70) 18
1, Письмо къ императору Алекс. II. 17
2. Черезъ три года 21
3. За пять лѣтъ 22
4. Исполинъ просыпается 24
V МИХ. ИЛЛАР. МИХАЙЛОВЪ (1861—5) 25
1. Изъ прокл. " Къ молодому поколѣнію" 25
2. Отвѣты Михайлова на судѣ 33
VI „ВЕЛИКОРУССЪ" (1861) Прокламація съ проектомъ адреса 35
VII «МОЛОДАЯ РОССІЯ» (1862) Прокламація 40
VIII ДѢЛО ПОДПОЛК. А. КРАСОВСКАГО (1862 г.) 46
1. Проклам. къ солдатамъ 46
2. Отвѣтное письмо солдатъ 48
IX РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ 48
Прокламація Дм. ПВ. Писерева (1862—8)
X ПОЛЬСКО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ (1861—4) 49
1, Письмо Варшавскаго Цент. Комитета къ издателю Колокола 49
2, Центральному Польс. Комитету въ Варшавѣ 51
3, Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ 52
XI АДРЕСА АЛЕКСАНДРУ II О СОЗВАНІИ ЗЕМСКАГО СБОРА (1861—2 г.) 57.
1, Письма И. С. Тургенева 57
а) Къ извѣстному лицу для передачи въ Лондонъ.
б) Къ Александру Ив. Герцену 59
2, Адресъ Тверского Дворянства 1862 г. 61
XII КН. ПЕТРЪ ВЛАД. ДОЛГОРУКОВЪ 63
1, Изъ ст. «Взглядъ на основ. положенія судоустройства, судопроизв. и земск. учрежд.» (1862 г.) 63
2, Изъ ст. «О земскихъ учрежденіяхъ» (1864 г.) 66

XIII «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ» (1862—3) «Свобода» № 1 67
XIV НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (1862—89 г.) 69
1, Сенатская записка о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскго 70
2, Изъ дневника Никитенко (1891 г.) 83
3, Письма А. В. Головнина къ И. И. Панаеву 84
XV КАРАКОЗОВСКОЕ ДѢЛО (Изъ доклада слѣдственной Коммисіи) 1866 г. 85
XVI ЗАГРАНИЧНАЯ ГРУППА ГАЗ. „НАРОДНОЕ ДѢЛО“ (1868—70 г.) 87
1, Наша программа 87
2, Главный Совѣтъ Международнаго Товарищества рабочихъ 89
XVII „НАРОДНАЯ РАСПРАВА“ НЕЧАЕВА (1869—76) 90
XVIII ПРОКЛАМАЦІЯ ДОЛГУШИНЦЕВЪ (1873—5 г.) 97
XIX МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БАКУНИНЪ (1814—76 г.) 99
XX «ВПЕРЕДЪ» (1837—7 г.) Наша программа 106
XXI СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРОПАГАНДИТСКОЕ ДВИЖЕНІЕ (1873—8) 113
1, Изъ Записки мин. Юстиціи гр. Палена. 113
2, Рѣчи подсудимыхъ въ процесахъ 50-ти и 193-хъ (1877—8 г.) 123
а) рѣчь С. П. Бардиной 124
б) рѣчь крестьянина Петра Алексѣева 128
в) рѣчь И. Мышкина 130
XXII «НАБАТЪ» (1875—81 г.) 133
1, Цѣль революціи 133
2, Организація роволюціонныхъ силъ 135
XXIII „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ“ (1877—6 г.) 136
1, Изъ статьи газеты „Земля и Воля“ 136
2, Организація Общества „Земля и Воля“ 138
3, Судъ надъ Бобоховымъ 140
XXIV ЗЕМСКАЯ АГИТАЦІЯ ВЪ 1878—79 ГОДАХЪ 143
Адресъ Черниговскаго Земства (1879 г.) 143
XXV „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ (1879—96 г.) 478
1, Программа Исполнительнаго Комитета (1879 г.) 142
2, Подготовительная работа партіи 150

а) Центральная Организація 155
б) Организаціи спеціальныя и мѣстныя 156
в) Городскіе рабочіе 159
г) Войско 161
д) Интеллигенція и молодежь 162
е) Европа 162
3, Программа Военно-Революціонной организаціи (1880—2 г.) 163
а) Роль военной организаціи въ общемъ революц. движеніи 164
б) Принципы организаціи 164
в) Дѣятельность военной организаціи 166
4, О Пропогандѣ среди рабочихъ 168
5, Прокламація Исп. Ком. по поводу взрыва Зимняго дворца 172
6, Письмо Исп. Ком. къ Александру III 173
7 Прокламація отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли по поводу убійства Александра II 179
8, Заявленіе Исп. Ком. по пов. убійства Гарфильда 180
9, Изъ рѣчей Квятковскаго и Ширяева, участниковъ процесса 16-ти въ 1880 г. 181-3
10, Изъ рѣчей участниковъ процесса по дѣлу 1-го Марта 184
а) Кибальчича 184
б) Желябова 186
в) Послѣдніе слова на судѣ. Кибальчича, Жильябова и Перовской 190
11 Изъ рѣчей Александра Михайлова на судѣ 22-хъ въ 1882 г. 192
XXVI «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ» (1879 81 г. 195
а) Изъ ст. Плеханова "Черный передѣлъ" 195
б) Изъ передовой статьи № 1 196
в) Изъ Статьи „Письмо къ бывшимъ товарищамъ 202
XXVII ЛИБЕРАЛЬНАЯ АГИТАЦІЯ (1880—3 г.) 202
1, Политическая програм. общ. „Земскій Соборъ“ 209
2, Программа дѣйствія 211
XXVIII ЗЕМСКАЯ КОНСТИТУЦІОННАЯ АГИТАЦІЯ (1881 г.) 213
XXIX ПОЛЬСКО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ НАЧАЛѢ 1880 годовъ 219
1, Общія основанія программы и организаціонной дѣятельности Цент. Ком. Соц. рев. партіи „Пролетаріатъ“ 220
2, Отвѣтъ Исп. Ком. Партіи Народной Воли 222

3, Отъ товарищей осужденныхъ 20 Января 1885 г. къ братьямъ на свободѣ. 223
XXX СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ (1883—96 г.) 226
1, Программа соц. демократической группы Освобожденія труда 226
2, Къ программѣ Соц. демократовъ 229
XXXI УБІЙСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛНЫХЪ ВЪ СИБИРИ ВЪ 1889 г. 231
1, Письмо къ товарищамъ, приговоренныхъ къ смертной казни якутянъ (1889 г.) 232
а) Изъ письма Ник. Львовича Зотова 232
б) Изъ п. Альберта Львовича Гаусмана 234
в) Изъ п. Льва Матвѣевича Коганъ-Бернштейна 235
2, Протестъ ссылныхъ въ г. Балаганскѣ 235
3, Событія на Карѣ 236
а) Смерть Надежды Константиновны Сигиды 236
б) Смерть Ивана Васильевича Калюжнаго и Сергѣя Николаевича Бобохова 240
XXXII АНГЛІЙСКОЕ «ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ СВОБОДЫ ВЪ РОССІИ» (1889—96) 244
I, Изъ циркуляра «Общ. Др-Своб. въ Россіи» 244
2, Письмо изъ Средне-Колымска къ Р. Спенсъ-Ватсону 247
3, Отвѣтъ Р. Спенсъ-Ватсона 249
XXXIII ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ въ Лондонѣ (1891—96) 250
1, Изъ брош. Степняка „Чего намъ нужно и начало конца" (1892 г.) 251
2, Изъ бр. Ф. Волховскаго „Чему учить конституція гр. Лорисъ Меликова" (1894 г.) 257
3, Новая Сила (ст. Н. Чайковскаго) 1896 г. 658
XXXIV ПАРТІЯ НАРОДНАГО ПРАВА программа, 250
XXXV СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА (1894 г.) 262
XXXVI ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ II (1895 г.) 264

МАТЕРЬЯЛЫ

ПО ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ

ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

1825—1896.

I. ДЕКАБРИСТЫ.

(1815 — 21 — 25 — 26 — 30 — 56)

Заговоръ 1825 года.

(Изъ статьи А. И. Герцена «La Conspiration Russe de 1825».)*

Въ 1815 году въ главной квартирѣ второй арміи, которой командовалъ фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, два офицера, братья Муравьевы, положили основаніе тайному политическому обществу. Они завязали сношенія съ нѣкоторыми другими офицерами, и когда увидѣли, что дѣло у нихъ налаживается, они отправились въ Петербургъ пощупать тамъ почву среди офицеровъ императорской гвардіи.

Здѣсь они встрѣтили болѣе, чѣмъ простое сочувствіе. Широкое политическое броженіе успѣло уже начаться въ Петербургѣ и значительныя группы офицеровъ, одушевленныхъ идѣями свободы, были соединены въ тайныя общества. Время для попытки политическаго движенія въ Россіи, очевидно, наступало.

---

* Статья эта въ русскомъ переводѣ еще не появлялась; здѣсь она дается съ нѣкоторыми сокращеніями и незначительными измѣненіями, сдѣланными С. Кравчинскимъ.

Вскорѣ послѣ основанія муравьевскаго общества, заговорщики познакомились съ полковникомъ П. Пестелемъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна. Пестель немедленно присталъ къ нимъ и сразу-же сдѣлался центромъ и душою общества. Благодаря ему, неопредѣленныя либеральныя стремленія заговорщиковъ получаютъ практическій характеръ и направляются къ вполнѣ опредѣленной цѣли. Его могучая личность пріобрѣтаетъ господствующее значеніе и рисуется передъ нами грандіозной, даже въ злобныхъ и пристрастныхъ донесеніяхъ слѣдственной коммиссіи.

Пестель былъ горячимъ республиканцемъ и ярымъ революціонеромъ. Дѣйствовалъ онъ очень осмотрительно. Прежде всего онъ началъ заботиться о томъ, какъ бы лучше съорганизовать тайное общество. Для него Пестель создаетъ новый уставъ и заводитъ централизацію. Отрывки изъ его разговоровъ, приведенные слѣдственной коммиссіей, даютъ понятіе о его организаторской тактикѣ.

Онъ очень хорошо понималъ, насколько еще не тверды были въ то время убѣжденія въ этихъ благородныхъ и преданныхъ молодыхъ людяхъ, недавно лишь познакомившихся вообще съ политическими вопросами, а потому онъ не возражалъ и, повидимому, соглашался съ ихъ мыслью, что главной задачей заговора будетъ лишь ограниченіе царскаго произвола. Онъ соглашался съ одними, что было бы очень не дурно добиться англійской конституціи; но, когда онъ замѣчалъ, что его собесѣдникъ не вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе, онъ тутъ же прибавлялъ, что и самъ предпочелъ бы американскую конституцію, которая, по его словамъ, охраняетъ интересы всѣхъ, а не однихъ только «лордовъ и купцовъ»; но, что вообще, по его мнѣнію, если бы можно было заставить императора подписать конституцію, то уже и это одно было бы большимъ шагомъ впередъ. Далѣе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ намекалъ собесѣднику на то, что смерть императора не принадлежитъ къ числу невозможныхъ событій. Онъ выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы возможно было однимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія заставить самодержца уступить часть своей власти; доказывалъ, что только силой можно достигнуть этого, и что для ограниченія власти потребуется силы не меньше, чѣмъ для ея уничтоженія. Но не смотря на всю такого рода осторожность

Пестеля (коммиссія называетъ ее хитростью), многіе догадывались въ какую сторону онъ гнулъ — и испугались.

Александръ Муравьевъ удаляется изъ общества. Члены «Союза благоденствія» ропщутъ. Сѣверное общество начинаетъ опасаться честолюбія Пестеля. Кажется, что Никита Муравьевъ, бывшій главою сѣвернаго общества, а за нимъ Рылѣевъ, раздѣляли подобное опасеніе. Все это заставило Пестеля созвать въ Москвѣ общій съѣздъ членовъ обоихъ обществъ — сѣвернаго и южнаго.

Съѣздъ состоялся, но не могъ придти къ соглашенію. На немъ выяснилось, что между многими изъ его членовъ существуетъ полнѣйшее разногласіе по всѣмъ вопросамъ. Одни возставали противъ диктатуры Пестеля въ южномъ обществѣ, говоря, что онъ удаляется отъ разъ поставленной цѣли. Другіе сами письменно потребовали своего увольненія.

Друзья Пестеля, съ согласія нѣкоторыхъ болѣе энергическихъ членовъ, предложили тогда закрыть общество «Союзъ благоденствія». Такое предложеніе было принято. Н. Тургеневъ (**72**), который предсѣдательствовалъ въ этотъ день, заявилъ о распущеніи общества. Это случилось въ Москвѣ, въ февралѣ 1821 года (**21**).

Одинъ только полковникъ Абрамовъ былъ этимъ возмущенъ и протестовалъ противъ распущенія «Союза».

Но Абрамовъ сильно ошибался. Люди, подобные Пестелю, Юшневскому, фонъ-Визину, Н. Муравьеву, Бестужеву-Рюмину, никогда и не имѣли въ виду на самомъ дѣлѣ уничтожить общество. Для Пестеля это было лишь средствомъ избавиться отъ слабыхъ и съорганизовать новое общество, въ которомъ нѣкоторые изъ его прежнихъ членовъ не только не должны были принимать участія, но даже не должны были знать объ его существованіи.

Новое общество, организованное на иныхъ принципахъ, выбрало директорами Пестеля, Юшневскаго и Н. Муравьева. Съ самаго начала оно приняло ярко-революціонный характеръ и за двухлѣтнее существованіе такъ окрѣпло и расширилось, что въ 1823 году мы уже видимъ четыре новыхъ общества подъ управленіемъ первоначальнаго, которое находилось въ Тульчинѣ, гдѣ расположена была квартира главнаго штаба 2-ой арміи.

Въ это время Пестель пользовался огромнымъ вліяніемъ и ему уже не приходилось больше прибѣгать къ

хитрости. Онъ идетъ прямо къ своей цѣли—полному и радикальному измѣненію государственнаго правленія на основаніяхъ не только республиканскихъ, но и соціалистическихъ*. Тутъ ужъ не о критикѣ англійской конституціи шла рѣчь.

Пестель ребромъ поставилъ передъ членами общества такой вопросъ: «что дѣлать, въ случаѣ успѣха, съ членами императорской фамиліи?» Одни предлагали ссылку, другіе — тюрьму, третьи — изгнаніе. Выслушавъ всѣ эти предложенія, Пестель заявилъ: «ихъ надо уничтожить».

«Какъ!» воскликнули нѣкоторые изъ присутствовавшихъ: «вѣдь, это ужасно!» — «Это я знаю», замѣтилъ Пестель. Его друзья стали колебаться. Приступили къ голосованію. За Пестеля высказалось большинство, хотя довольно незначительное, — всего шесть голосовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Пестель собралъ всѣхъ, стоявшихъ во главѣ заговора, и вновь задалъ имъ тотъ же вопросъ. На этотъ разъ всѣ были согласны съ нимъ. Вслѣдствіе этой-то резолюціи Бестужевъ и требовалъ отъ польскихъ обществъ въ 1824 г., чтобы они, если этого потребуетъ ходъ событій, убили цесаревича Константина.

Прежде чѣмъ говорить объ отношеніяхъ пестелевскаго общества къ варшавскимъ революціонерамъ, нужно сказать нѣсколько словъ о сѣверномъ обществѣ.

Когда прежнее общество было распущено, новое стало организоваться между прочимъ и въ Петербургѣ и притомъ съ большей, чѣмъ раньше энергіей. Во главѣ его мы видимъ сначала князя Трубецкаго, затѣмъ Н. Муравьева и князя Оболенскаго. Наконецъ, нѣсколько позже пріобрѣтаетъ въ немъ первенствующее значеніе человѣкъ наиболѣе замѣчательный среди петербургскаго общества, а именно — поэтъ Рылѣевъ. Вообще сѣверяне теперь уже значительно ближе подходили по своимъ идеямъ къ южанамъ, но ихъ преслѣдовала несчастная мысль «что Пестель былъ скорѣе Бонапартъ, чѣмъ Вашингтонъ», и это постоянно мѣшало полному союзу и единству дѣйствій обоихъ обществъ. Молодые энтузіасты не понимали опытнаго дѣятеля.

Бесѣдуя однажды съ Пестелемъ о необходимости временной диктатуры, которую ему предложатъ, Поджіо замѣтилъ; «Конечно, это положеніе вещей продлится всего только нѣсколько мѣсяцевъ.» — «Какъ,» воскликнулъ Пестель, «вы считаете возможнымъ измѣнить всю эту государственную машину, дать ей другое основаніе, пріучить людей къ новымъ порядкамъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ?! Для этого потребуется, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять!»

* *См.* книгу Тургенева о Россіи «*La Russie et les Russes*».

Въ этихъ словахъ Пестеля заключалась глубокая истина. Вліяло ли на его мнѣнія его честолюбіе или нѣтъ, — для насъ безразлично. Важенъ тотъ фактъ, что Пестель иначе понималъ революцію, чѣмъ его петербургскіе друзья. «Вы провозгласите республику,» сказалъ онъ на одномъ засѣданіи; «но это будетъ лишь перемѣна въ названіи. Главнымъ образомъ надо рѣшить вопросъ поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянамъ,—и только тогда цѣль революціи будетъ достигнута».

На основаніи своего устава, южане вошли въ сношенія съ варшавскими политическими обществами. Бестужеву-Рюмину, который первый открылъ ихъ и сообщилъ о нихъ директоріи, немедленно даны были всѣ полномочія для того, чтобы сговориться съ ними. Поляки съ своей стороны, послали Крыжановскаго. Они требовали отъ русскаго общества признанія независимости Польши, и губерній, которыя еще не окончательно обрусѣли, включая сюда Бѣлостокскую губернію и часть Гродненской, Виленскую, Минскую и Подольскую. Польское общество обязывалось, съ своей стороны, начать возстаніе одновременно съ возстаніемъ во второй арміи и захватить въ свои руки великаго князя. Русское общество поставило еще и другое условіе, и едва ли нужно говорить, что его предложилъ Пестель, — это условіе состояло въ томъ, чтобы въ Польшѣ была провозглашена республика.

Полякамъ не хотѣлось напередъ высказаться насчетъ формы правленія, а также взять на себя обязательство убить великаго князя. Наконецъ, послѣ долгихъ дебатовъ съ двумя депутатами, присланными изъ Варшавы, Бестужевъ-Рюминъ и С. Муравьевъ согласились на томъ, что поляки поступятъ съ членами императорской фамиліи, находящимися въ Польшѣ, такъ же, какъ русское общество поступитъ съ тѣми, которые находятся въ самой Россіи.

На второе свиданіе съ польскими депутатами, Гро-

децкимъ и Янковскимъ, Пестель съѣздилъ уже лично, въ сопровожденіи князя Волконскаго.

Около этого же времени одно изъ отдѣленій южнаго общества, называвшееся Васильковскимъ, по мѣсту, гдѣ оно имѣло главнымъ образомъ свои собранія, открыло новое общество, основанное артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ.

Это общество, составленное изъ русскихъ и поляковъ и называвшееся «Союзомъ Соединенныхъ Славянъ» (26), поставило себѣ главной цѣлью объединеніе всего славянскаго міра и образованіе федеративной республики, — при полной автономіи каждаго народа сохранялась бы лишь одна федеративная связь между ними.

Бестужевъ предложилъ этому обществу присоединиться къ главной организаціи, — что имъ и было принято. «Соединенные славяне» согласились въ то же время съ мыслью о необходимости убить Александра, а, спустя короткое время, С. Муравьеву удалось окончательно перетянуть ихъ на свою сторону. . .

. . . Приближалось время, когда надо было начать дѣйствовать. Южное общество уже имѣло своихъ людей по всей второй арміи, а петербургское — пріобрѣло не мало членовъ среди лицъ, близко стоявшихъ у трона и среди высшей аристократіи. Обстоятельства складывались благопріятнымъ образомъ. Пестель, который прекрасно понималъ необходимость поднятія возстанія возможно скорѣе, былъ недоволенъ петербургскимъ доктринерствомъ и недостаткомъ единства между южнымъ и сѣвернымъ обществами. Въ 1824 году онъ съѣздилъ лично въ Петербургъ и тамъ потребовалъ соединенія обоихъ обществъ подъ однимъ управленіемъ. Послѣ долгихъ дебатовъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предложенныя Пестелемъ насильственныя революціонныя мѣры встрѣтили однако сильную оппозицію. Нѣкоторые изъ членовъ еще крѣпко держались за мысль о необходимости конституціоннаго правленія въ Россіи и соглашались на провозглашеніе республики только въ томъ случаѣ, если императоръ откажется подписать конституцію, и даже тогда они имѣли въ виду ограничиться ссылкой императорской фамиліи.

Пестель, однако, настаивалъ на своемъ. «Полумѣры тутъ не годятся», говорилъ онъ. По его мнѣнію, слѣдовало

прежде всего арестовать императора и его семейство и покончить съ ними, а потомъ, завладѣвъ сенатомъ и синодомъ, заставить членовъ обоихъ этихъ учрежденій провозгласить новое правленіе и, какъ только это будетъ сдѣлано, объявить всѣхъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ уволенными, и замѣстить ихъ членами революціоннаго общества.

Однако, Пестелю пришлось уѣхать изъ Петербурга прежде, чѣмъ ему удалось переубѣдить всѣхъ своихъ товарищей. Поэтому онъ предложилъ устроить общій съѣздъ, который долженъ былъ состояться въ началѣ 1826 года; но Пестель требовалъ, чтобы послѣ этого съѣзда, въ случаѣ полнаго соглашенія, тотчасъ же было приступлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе было трудное. Горячая, экзальтированная молодежь южной и особенно васильковской организаціи едва подчинялась авторитету Пестеля, и, когда правительство, не давая никакихъ объясненій, вдругъ отняло у полковника Швейковскаго — дѣятельнаго заговорщика — саратовскій полкъ, возмущеніе готово было вспыхнуть. Съ другой стороны, общество слишкомъ разрослось, чтобы долго оставаться тайнымъ, и Пестель былъ правъ, настаивая на необходимости поскорѣе перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. . .

. . . При Александрѣ I страшная полиція, созданная Николаемъ, не существовала. Ни о какомъ нападеніи никому не приходило и въ голову. Дворцы и крѣпости охранялись скорѣе изъ соблюденія военныхъ обычаевъ, чѣмъ изъ за какого нибудь страха, — а, между тѣмъ, силы заговора были весьма значительны. . .

. . . Самъ Пестель былъ при главной квартирѣ Виттгенштейна, съ которымъ, какъ его адъютантъ, онъ находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Въ то же время Пестель командовалъ полкомъ, на преданность котораго онъ могъ вполнѣ положиться. Среди его друзей, которые раздѣляли всѣ его взгляды, были — генералъ-интендантъ 2-ой арміи Юшневскій и два генерала дѣйствующей арміи, фонъ-Визинъ и кн. Сергѣй Волконскій.

Въ томъ же южномъ обществѣ мы находимъ среди наиболѣе энергичныхъ его членовъ шесть слѣдующихъ полковниковъ: Артамона Муравьева, командовавшаго ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, Нарышкина—тарутинскимъ,

Швейковскаго — саратовскимъ, Абрамова — казанскимъ, Тизенгаузена — полтавскимъ, Враницкаго, бывшаго полковника, квартирмейстеромъ. Къ нимъ, кромѣ того, слѣдуетъ еще прибавить Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, — оба они были въ чинѣ подполковниковъ. Каждый полковникъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не малое количество офицеровъ и полковую кассу. Они прекрасно знали всѣ секреты штаба, интендантства и канцеляріи фельдмаршала.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, для нихъ не представляло никакой трудности — въ тотъ день, когда вятскій полкъ былъ бы на караулѣ, арестовать князя Виттгенштейна, дождаться императора Александра на маневрахъ, арестовать его и высшіе военные чины; немедленно занять крѣпость Бобруйскъ для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи какой-нибудь укрѣпленный пунктъ и оттуда снестись съ Варшавой и Петербургомъ.

Таковъ именно и былъ планъ Пестеля.

Сѣверное общество, въ свою очередь, должно было попытаться возбудить возстаніе среди гвардіи. Оно насчитывало среди своихъ членовъ довольно вліятельныхъ лицъ, а именно: полковника, князя *Трубецкаго*, командовавшаго преображенскимъ полкомъ и служившаго въ то-же время въ генеральномъ штабѣ, *Миткова*, полковника финляндскаго полка, *Николая Муравьева*, капитана генеральнаго штаба, кн. *Оболенскаго*, *Бестужева* и также *Лунина*, *Якубовича*, *Буланова* и другихъ, большей частью командировъ отдѣльныхъ частей.

Но не одинъ военный элементъ входилъ въ составъ сѣвернаго общества, не въ немъ одномъ сосредоточилась вся его сила. Оно имѣло также многихъ преданныхъ ему членовъ и друзей среди высшей администраціи и аристократіи обѣихъ столицъ и даже среди придворныхъ. О каждомъ шагѣ правительства заговорщики узнавали немедленно. Этимъ, напр., объясняется то обстоятельство, что раннимъ утромъ 14-го декабря 1825 года прокуроръ сената, Краснокутскій (**26**), какъ это видно изъ донесенія слѣдственной коммиссіи, бросился къ Рылѣеву съ извѣстіемъ, что сенаторы рѣшили собраться въ этотъ день въ 7 часовъ утра для принятія присяги Николаю. Семеновъ (**26**), начальникъ канцеляріи кн. Голицына въ Москвѣ, былъ также членомъ общества. Членъ общества Якубовичъ былъ другомъ гр. Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора

Въ то же время заговорщики имѣли возможность слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ императорскаго семейства. Молодой князь Одоевскій, служившій офицеромъ въ конногвардейскомъ полку, извѣщалъ ихъ не только обо всемъ, что дѣлалось, но и что говорилось во дворцѣ.

Они пользовались также большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Своимъ образованіемъ, энергіей и нравственной чистотой, что не часто можно было встрѣтить въ Россіи, они не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на извѣстную часть аристократіи, а посредствомъ литературы, которая почти вся была въ ихъ рукахъ, они дѣйствовали на все молодое поколѣніе. Полныя энергіи поэмы Рылѣева, разсказы Бестужева, *Полярная Звѣзда**, ежегодное изданіе, которое они редактировали всѣ вмѣстѣ, *Мнемозина* — журналъ, издававшійся Кюхельбекеромъ и кн. Одоевскимъ, — все это циркулировало среди университетской и лицейской молодежи и проникало даже въ военныя школы.

Рылѣевъ — это, можетъ быть, самый замѣчательный членъ сѣвернаго общества. Онъ являлся какъ-бы Шиллеромъ заговора и всей молодой Россіи. Его поэма «Войнаровскій» (изъ временъ Мазепы), его народныя легенды и пѣсни проникнуты меланхолическимъ чувствомъ человѣка, безповоротно рѣшившаго пожертвовать собой для отечества. Въ нихъ не видно большихъ надеждъ на ближайшее будущее, но ясно просвѣчиваетъ беззавѣтная преданность дѣлу. Герой поэмы Рылѣева знаетъ, что его ожидаетъ каторжная работа или смерть, но онъ готовъ на все и, между прочимъ, спрашиваетъ:

. . . « Гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода ?»

Казакъ Наливайко въ томъ-же произведеніи Рылѣева говоритъ священнику, который его исповѣдуетъ:

« Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю . . .
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю !»

Въ этихъ словахъ сказался весь Рылѣевъ.

Хотя диктаторомъ былъ выбранъ князь Трубецкой,

* Для русскихъ мы присвоили это дорогое имя нашему журналу, издаваемому въ Лондонѣ. — Герценъ.

но настоящимъ главой общества къ концу 1825 года былъ Рылѣевъ.

Пестелю удалось убѣдить сѣверное общество, что не надо тратить времени и сѣверяне уже готовы были послѣдовать за южанами, когда одна за другой, посыпались новости: умеръ Александръ, южное общество предано, Константинъ отказывается отъ короны, Николай ея не принимаетъ. . . . Въ высшихъ сферахъ наступило полное замѣшательство. Войско, самые высшіе сановники и даже члены царской фамиліи колебались, не зная на чью сторону пристать. Заговорщики не могли не воспользоваться этой сумятицей отреченій, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами!

«Не одни бѣдные солдаты потеряли голову,»—говорили мы въ своемъ письмѣ къ Александру II, по поводу книги Корфа (67),—«московскій генералъ-губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ Соборѣ — свой секретъ.

«Къ тому же, попытка 14 декабря вовсе не была такъ бузумна, какъ ее представляютъ. Она не удалась — вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, еслибъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14, а въ полночь, и обложили бы Зимній Дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, еслибъ, не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали бы на дворцовой караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?

«Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ I при воцареніи? Екатеринѣ II для того, чтобъ свергнуть Петра III?

«Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялись главы, какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто первый овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется безмолвная машина, съ тою-же силой и съ тѣмъ-же вѣрноподданническимъ усердіемъ.»

Подробности событій 14-го декабря достаточно извѣстны. Мы о нихъ скажемъ лишь нѣсколько словъ.

12-го декабря кн. Трубецкой не рѣшился еще предпринять ничего опредѣленнаго, когда, на одномъ собраніи,

Рылѣевъ вынулъ изъ своего кармана письмо, адресованное къ Николаю однимъ молодымъ офицеромъ (Ростовцевымъ (60), — онъ былъ впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и начальникомъ военныхъ школъ), и, показывая это письмо заговорщикамъ, воскликнулъ: «мы погибли, но ужь если погибать, такъ ужь лучше съ оружіемъ въ рукахъ.»

Онъ былъ совершенно правъ. Въ нравственномъ отношеніи вліяніе событія 14-го декабря было огромно. Пушки на Исакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе. До тѣхъ поръ не вѣрили въ возможность политическаго возстанія, цѣлью котораго было бы нападеніе, съ оружіемъ въ рукахъ, на чудовище императорскаго царизма на улицахъ самого Петербурга.

Ни для кого, конечно, не были тайной убійства во дворцѣ какого-нибудь Петра или Павла, съ цѣлью замѣстить ихъ другими, подобными имъ, деспотами. Но между этого рода убійствами въ застѣнкѣ и громкимъ протестомъ противъ деспотизма на улицѣ, и при томъ запечатлѣннымъ кровью и страданіемъ героевъ, — нѣтъ ничего общаго. Впрочемъ, они и не слишкомъ-то разсчитывали на успѣхъ; но за то они понимали все великое значеніе этого протеста. 13-го декабря совсѣмъ еще молодой человѣкъ, поэтъ Одоевскій, обнимая своихъ друзей, говорилъ съ энтузіазмомъ: «мы идемъ на смерть ... но на какую славную смерть!»

Когда Рылѣевъ былъ приведенъ въ судъ, онъ заявилъ: «Я могъ все остановить, но я наоборотъ лишь побуждалъ дѣйствовать. Я—главный виновникъ событій 14-го декабря. Если кто-нибудь заслуживаетъ смерть за этотъ день, то это, конечно, — я». Этотъ геройскій отвѣтъ третируется въ донесеніи слѣдственной коммиссіи, какъ простое *признаніе въ виновности*.

Раннимъ утромъ 14-го декабря былъ отданъ приказъ привести полки къ присягѣ въ вѣрности Николаю. Одна часть гвардейцевъ, именно, московскій полкъ, отказалась повиноваться и послѣдовала за княземъ Ростовскимъ и М. Бестужевымъ на Исакіевскую площадь. Нѣкоторые другіе полки (гренадеры, морской экипажъ и т. д.) присоединились къ московскому полку и также отказались принять присягу. Эти возставшіе полки построились въ каре. Диктаторъ, князь Трубецкой, куда-то изчезъ и цѣлый день его нигдѣ не могли доискаться. Рылѣевъ не рѣшился

принять начальства, такъ какъ былъ въ штатскомъ платьѣ, а Бестужевъ, будучи морскимъ офицеромъ, не зналъ, какъ командовать пѣхотинцамъ. Такимъ образомъ, всѣ стояли и ждали. Ждали гибели, которая, при бездѣйствіи, была неминучей.

Послѣ нѣкоторыхъ парламентарскихъ переговоровъ и разнаго рода безплодныхъ попытокъ со стороны стараго митрополита Серафима, котораго солдаты просили удалиться съ миромъ, бѣдный Милорадовичъ — храбрый солдатъ и, конечно, лучшій человѣкъ среди всѣхъ, окружавшихъ Николая, — подъѣхалъ къ каре и палъ, смертельно раненный пулей, во время своихъ увѣщаній.

Императоръ приказалъ пустить въ аттаку кавалерію. Орловъ три раза бросался въ аттаку, но былъ отбитъ. Тогда Николай, уступая совѣтамъ герцога Вюртемберскаго и генераловъ Толя и Сухозанета, приказалъ выдвинуть впередъ артиллерію.

Здѣсь нужно упомянуть о двухъ эпизодахъ, отмѣченныхъ барономъ Корфомъ въ его книгѣ. Когда Николай отдалъ приказъ стрѣлять, и этотъ приказъ повторилъ Сухозанетъ, а за нимъ офицеръ — выстрѣла не послѣдовало. Офицеръ былъ внѣ себя и накинулся на пальщика: «Не слышалъ ты, что ли?» — «Слышалъ ... но ... это — свои, ваше благородіе!» — «Еслибъ даже я самъ стоялъ передъ дуломъ,» закричалъ офицеръ, «и скомандовалъ пали, — тебѣ и тогда не слѣдовало-бы останавливаться.» Раздался выстрѣлъ. Въ рядахъ каре повалились убитые.... Жаль только, что Корфъ ничего не прибавляетъ на счетъ судьбы пальщика.

А вотъ другой фактъ. Когда солдаты-инсургенты увидѣли, что на нихъ направлены пушки, они просили толпу народа удалиться, говоря: «уходите... опасно,—мы не хотимъ, чтобы изъ-за насъ васъ перебили.»

Страшная сила картечи сдѣлала невозможнымъ какое бы то ни было сопротивленіе. Къ десяти часамъ вечера Николай былъ уже побѣдителемъ, — и съ этого часа наступаетъ для Россіи мрачная эпоха его царствованія.

Когда Рылѣевъ выходилъ со своими друзьями на площадь, Пестель былъ уже арестованъ. Александръ, получивши первые доносы въ Таганрогѣ ничего не сдѣлалъ. Онъ былъ уже боленъ, когда получились дальнѣйшія подробности, посланныя Виттомъ, но генералы: Дибичъ, нѣмецъ-пруссакъ и Чернышевъ, извѣстный тѣмъ, что укралъ

стратегическій планъ у Наполеона, рѣшили арестовать Пестеля и нѣкоторыхъ другихъ, стоявшихъ во главѣ заговора.

Офицеры, принадлежавшіе къ обществу «соединенныхъ славянъ», услыхавъ эту страшную новость, возмутили нѣсколько ротъ и отправились съ оружіемъ въ рукахъ отбивать арестованныхъ. Имъ это дѣйствительно удалось, — оба брата Муравьевы съ нѣкоторыми другими были отбиты, но, къ несчастію, Пестеля вмѣстѣ съ ними уже небыло.

Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ стали во главѣ этихъ солдатъ и рѣшились на отчаянную попытку. Съ помощью одной части черниговскаго полка, они завладѣли городомъ Васильковымъ и отправились подымать солдатъ дружественныхъ полковъ; но невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви они натолкнулись на дивизію генерала Рота. Завязалась битва. Сергѣй Муравьевъ, стоявшій впереди, былъ скоро жестоко раненъ картечью. Онъ упалъ безъ сознанія, — когда же очнулся, онъ, вмѣстѣ со своими друзьями былъ уже въ рукахъ правительства....

Этимъ эпизодомъ заканчивается исторія заговора и начинается печальный разсказъ, carmen horrendum слѣдствія. .... Есть что-то отвратительное, отталкивающее, въ мрачномъ зрѣлищѣ стариковъ, посѣдѣлыхъ въ раболѣпствѣ и интригахъ, взапуски угодничающихъ передъ молодымъ человѣкомъ, превосходящимъ ихъ всѣхъ холодной жестокостью, предавая ему чистыхъ и преданныхъ людей....

Чтобы не впасть въ ошибку, импровизованный *верховный судъ* присудилъ къ смерти всѣхъ и притомъ противузаконно, такъ какъ смертная казнь была отмѣнена въ Россіи со временъ Елизаветы и никогда вновь не была возстановлена. Николай имѣлъ такимъ образомъ возможность проявить въ широкихъ размѣрахъ свое милосердіе и подтвердилъ смертный приговоръ лишь по отношенію къ пяти лицамъ: Пестелю, Рылѣеву, Бестужеву-Рюмину, Сергѣю Муравьеву и Каховскому. Чтобы прибавить къ смерти позоръ, онъ замѣнилъ топоръ веревкой. Глупый тиранъ не понималъ, что этимъ висѣлица превратилась въ крестъ, передъ которымъ преклоняются поколѣнія.

Друзья этихъ людей — цвѣтъ всего, что было цивилизованнаго, истинно благороднаго въ Россіи, отправились въ цѣпяхъ въ каторжныя работы, въ почти необитаемый уголокъ Сибири....

II. УКРАИНСКІЕ ПАНСЛАВИСТЫ.

(1847 — 61 — 85)

Программа украинскихъ панславистовъ 1846 г.

Въ началѣ 1847 года въ Кіевѣ былъ арестованъ кружокъ, между членами котораго были проф. рус. ист. въ универс., Костомаровъ и украинскій поэтъ Шевченко. Кружокъ этотъ носилъ названіе *Кирилло Меѳодіевскаго братства.* Вотъ какъ опредѣляетъ программу этого общества Костомаровъ въ своей автобіографіи:

«Общество имѣло цѣлью распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей. . . . Въ религіи (предполагалась) полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ; но предполагалось склонять Славянъ католиковъ принять славянскій языкъ въ богослуженіи.

«Относительно языка, который долженъ былъ сдѣлаться общимъ (посредничающимъ) для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предполагался языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный.

«Предполагалось обязательное обученіе народа. Уничтоженіе крѣпостнаго права и всякихъ привиллегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

«Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію:

«Россія должна была разбиться на части или штаты, сѣверный, сѣверовосточный, юговосточный, два волжскихъ, — верхній и нижній, два малороссійскихъ, одинъ средній два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій; Бѣлоруссія составляла (бы) отдѣльный штатъ, также Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссійскому штату и т. д. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено, сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ.

«Кіевъ не долженъ былъ принадлежать ни къ какому штату, а назначался центральнымъ городомъ собранія общаго сейма. Въ сеймѣ двѣ камеры: въ одной выборные

сенаторы и минстры, въ другой депутаты. Общій сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые четыре года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ (бы) свой сеймъ, который (бы) собирался ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на 4 года и двумъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

«Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была (бы) милиція и всѣ учились (бы) военному искусству на случай общаго ополченія.»*

III. ПЕТРАШЕВЦЫ.

(1849)

1. Изъ «Мнѣнія д. с. с. Липранди въ выс. утв. Коммиссію о злоумышленникахъ, подъ предсѣдательствомъ г.-ад. Набокова, 17 авг. 1849 г.»

Люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготовлять повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ — Кузьминъ, въ Сибири — Черносвитовъ, въ Ревелѣ — Тимковскій, въ Москвѣ — Плещеевъ, въ Ростовѣ — Кайдановъ, и проч. . . . Въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей паствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Ридермана о соціализмѣ, на томъ основаніи, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка; онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, С.

---

* Программа эта, приведенная Н. Ив. Костомаровымъ въ его автобіографіи (Р. Мысль, 1885), но вырѣзанная изъ нея цензурой, была затѣмъ издана М. П. Драгомановымъ заграницей, отдѣльнымъ листкомъ.

Симона, Кабе, Журналъ Фаланга, La guerre des Passions, Les trois nuits internes и т. п., говоритъ, «что онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить a toutes les extravagances de notre maitre и проч., благодаритъ (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги), за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшней (Ростовской) небольшой паствы....

«... У (заговорщиковъ) видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленнѣе, но вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью, въ собраніяхъ, происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ, противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастію. Тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ, какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибирѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченки и т. д.)....

... Безъ сомнѣнія не для чего инаго, какъ съ цѣлью произвесть всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомостей и званій по службѣ, но и неслужащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ.

---

2. Изъ дневника поручика Монбели.

«... О Россія! ради Бога, опомнись, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопа и Ко., сравнительно съ богатствомъ Россіи, еще не такъ значительны, хотя огромны — и теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ всякаго физическаго наказанія, но желалъ-бы чадолюбиваго императора, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, посадить на пищу витебскихъ крестьянъ. Какъ странно устроенъ свѣтъ: одинъ мерзкій человѣкъ и сколько зла онъ можетъ сдѣлать, и по какому праву? Но мои стенанія за истину и плачъ о бѣдствіяхъ рода человѣческаго, кажется, не сильнѣе гласа вопіющаго въ пустынѣ. . . .

«. . . Но все-же, мнѣ кажется, что сенатъ римскій имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу прозваніе «мудраго», чѣмъ русскій сенатъ Николаю. Первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же заботился, съ дьявольскимъ постоянствомъ, объ уничтоженіи блага подданныхъ и о увеличеніи собственнаго своего. . . .»

---

3. Обязательная подписка, найденная 19 мая 1849 г. въ бумагахъ Спѣшнева, его рукой писанная.*

Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду:

1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющій-

---

* Осталось невыясненнымъ, была-ли эта «подписка» однимъ проектомъ, никогда не перешедшимъ въ практику, какъ это утверждалъ самъ Спѣшневъ, или найденный у него документъ былъ экземпляромъ подписки, дѣйствительно отбиравшейся у поступавшихъ въ общество. Оффиціальные источники утверждаютъ, что, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ петрашевцевъ—такую подписку дали. (*См.* В. Ратчъ, «La question polonaise dans la Russie occidentale» 68 г., и «Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа», 66 г.).

ся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное, открытое участіе въ возстаніи и дракѣ,—т. е., что, по извѣщенію отъ комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу споспѣшествовать успѣху возстанія.

2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества, пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти (5) афильировать.

3) Афильировать, т. е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не наобумъ а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, еслибы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ.

IV. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ.

(1834 — 47 — 53 — 07)

1. ПИСЬМО

къ императору Александру II.

Государь, Ваше царствованіе начинается подъ удивительно счастливымъ созвѣздіемъ. На Васъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, у Васъ нѣтъ угрызеній совѣсти.

Вѣсть о смерти Вашего отца Вамъ принесли не убійцы его. Вамъ не нужно было пройти по площади облитой русской кровью, чтобъ сѣсть на тронъ, Вамъ не нужно было казнями возвѣстить народу Ваше восшествіе.

Лѣтописи Вашего дома едва-ли представляютъ одинъ примѣръ такого начала.

И это не все.

Отъ Васъ ждутъ кротости, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца.— Вы необыкновенно счастливы!

Судьба, случайность, все — окружило Васъ чѣмъ-то, говорящимъ въ Вашу пользу. Вы одни изъ всѣхъ Вашихъ родились въ Москвѣ и родились въ то время, какъ она воскресала къ новой жизни послѣ очистительнаго пожара. Бородинскія и Тарутинскія пушки, едва воротившіяся изъ-за границы, еще покрытыя парижской пылью, возвѣстили съ высотъ Кремля о Вашемъ рожденіи. Я пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ ихъ, и помню.

Рылѣевъ привѣтствовалъ Васъ совѣтомъ (вѣдь Вы не можете отказать въ уваженіи этимъ сильнымъ бойцамъ за волю, этимъ мученикамъ своихъ убѣжденій?) Почему именно Ваша колыбель внушила ему стихъ кроткій и мирный? Какой пророческій голосъ сказалъ ему, что на Вашу дѣтскую голову падетъ со временемъ корона?

Васъ воспиталъ поэтъ, котораго любила Россія.

Въ день Вашего совершеннолѣтія была облегчена судьба нашихъ мучениковъ. — Да, Вы удивительно счастливы.

Потомъ Ваше путешествіе по Россіи. Я его видѣлъ — и больше, я его очень помню; черезъ Ваше предстательство моя судьба географически улучшилась, меня перевели изъ Вятки во Владиміръ — я не забылъ это.

Сосланный, въ дальнемъ за-волжскомъ городѣ, я смотрѣлъ на простую любовь, съ которой шелъ Вамъ на встрѣчу бѣдный народъ, и думалъ: «Чѣмъ Онъ заплатитъ за эту любовь?»

Вотъ оно, время уплаты и какъ она Вамъ легка! Дайте волю Вашему сердцу. Вы вѣрно любите Россію—и Вы можете такъ много-много сдѣлать для народа русскаго.

Я тоже люблю народъ русскій, я его покинулъ изъ любви, я не могъ, сложа руки и молча, остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники.

Удаленіе мое не измѣнило моихъ чувствъ; середь чужихъ, середь страстей, вызванныхъ войной, я не свернулъ моего знамени. И на дняхъ еще, во мнѣ *англійскій народъ всенародно* привѣтствовалъ *народъ русскій*.

Разумѣется, моя хоругвь — не Ваша, я неисправимый Соціалистъ, Вы самодержавный Императоръ: но между Вашимъ знаменемъ и моимъ можетъ быть одно общее — именно, та любовь къ народу, о которой шла рѣчь.

И во имя ея я готовъ принести огромную жертву. Чего не могли сдѣлать ни долголѣтнія преслѣдованія, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучныя скитанія изъ страны въ страну—то я готовъ сдѣлать изъ любви къ народу.

Я готовъ ждать, стереться, говорить о другомъ, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сдѣлаете для Россіи.

Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостатка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь . . . намъ есть что сказать міру и своимъ.

Дайте землю крестьянамъ, — она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій — эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

Отецъ Вашъ, умирая — не бойтесь, я знаю, что говорю съ сыномъ — признался, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что хотѣлъ для всѣхъ своихъ подданныхъ. . . . Крѣпостное состояніе явилось, какъ угрызеніе совѣсти, въ послѣднюю минуту.

Онъ не *успѣлъ* въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ!

Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить. . . .

. . . Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствоваться; мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ Вы такъ-же мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

На первый случай намъ и этого довольно.

— Быть-можетъ — на той высотѣ, на которой Вы стоите, окруженные туманомъ лести, Вы удивитесь моей дерзости; можетъ даже разсмѣетесь надъ этой потерянной песчинкой изъ семидесяти милліоновъ песчинокъ, составляющихъ Вашъ гранитный пьедесталъ.

А лучше не смѣяться. Я говорю только то, о чемъ у насъ *молчатъ*. Для этого я и поставилъ на свободной землѣ первый русскій станокъ; онъ какъ электрометръ показываетъ дѣятельность и напряженіе сгнетенной силы. . .

Нѣсколько капель воды, не находящія выхода, достаточны, чтобъ разорвать гранитную скалу.

Государь, если эти строки дойдутъ до Васъ, прочтите ихъ беззлобно, одни — и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать искренній голосъ свободнаго Русскаго.

10 марта 1855 года. ИСКАНДЕРЪ.

---

2. ЧЕРЕЗЪ ТРИ ГОДА.

(*Колоколъ* № 9, 15 февраля 1858 года.)

Ты побѣдилъ Галилеянинъ! и намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ дѣла, кто его сдѣлалъ, тому и честь. . . .

. . . Книга Корфа (57) оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ безпощадно напоминала намъ свинцовое время, въ которое мы столько страдали.

. . . А тамъ это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мѣшающія ему идти впередъ... надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся во мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ это хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая — а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ *14 декабря*, какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами — для великаго будущаго. . . .

. . . Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое — пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой — не опасенъ. Что они могутъ противупоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе. . .

. . . Посмотрѣли бы мы право au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами! Выходите же на арену — дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ, вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши? Знаете, что — до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской? это мужика-то и не посѣчь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряемтесь!...

. . . Что касается до насъ — нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ *живой голосъ*, и какъ бы нашъ «Колоколъ» ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II неравнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію — но также сильно любятъ и свободу, «которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично *ничего не ждутъ, ничего не просятъ*».

Но ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость — *но не враговъ!* Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе *освободителя крестьянъ*.

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

---

3. ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ.

(*Колоколъ* № 72, 1 іюня 1860 года.)

. . . Статья наша 1 января 1860 * была послѣднимъ усиліемъ, которымъ мы *себѣ* еще доказывали возможность

* Въ этой статьѣ Герценъ еще сильно надѣется на реформаторскую дѣятельность Александра II и старается открыть ему глаза на

«улучшенія быта» императорскаго — освобожденіемъ его отъ грубой и невѣжественной дворни, отъ тлетворной, мертвящей бюрократіи.

Но уже Александръ II, испуганный какими-то призраками, держался за безконечныя фалды Панина и говорилъ ему: «Ты меня не обманешь!»

Это своего рода отреченіе.

Александръ II пустилъ пращу, и въ этомъ его историческое значеніе, куда она долетитъ — внѣ его власти, это даже независимо отъ того: обманетъ его Панинъ или нѣтъ. Не есть-ли это царское колебаніе, своего рода vivos voco! Не есть-ли это колоколъ, напоминающій меньшинству совершеннолѣтнихъ, что пора свои дѣла дѣлать самимъ, что полно надѣяться всего отъ правительства. Оставимъ его при его административныхъ занятіяхъ и дипломатическихъ сплетняхъ. Отойдемте отъ его плацпараднаго мѣста, и займемся своими дѣлами, пусть оно стоитъ, какъ Невская пирамида, храминой, въ которой живетъ умершій.

Убѣдитесь, что отъ правительства ждать нечего. Безъ Ахиловой пяты для разума, занятое храненіемъ стараго ритуала и канцелярскихъ формъ, довольное пышнымъ облаченіемъ и матеріальной властью, оно будетъ иной разъ, подъ вліяніемъ современнаго тока идей, судорожно протягивать руки къ прогрессу, всякій разъ пугаясь на полдорогѣ.... Все это, можетъ, продолжится долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь посмѣлѣе заглянетъ подъ занавѣсъ и увидитъ — не то что императоръ умеръ, а что правительство приказало «долго жить народу!»...

тѣхъ, кто мѣшаетъ осуществить его либеральные проекты. «Мы входимъ», говоритъ Герценъ, въ заключеніе своей статьи:—«съ раздуміемъ въ новое десятилѣтіе и, переступая послѣднюю черту прошедшаго, останавливаемся еще разъ, чтобъ сказать государю: Государь, проснитесь, новый годъ пробилъ новаго десятилѣтія, которое можетъ будетъ носить ваше имя, но вѣдь нельзя одной и той же рукой ярко и свѣтло записывать свое имя въ исторіи, какъ освободитель крестьянъ, и подписывать нелѣпыя повелѣнія противъ свободной рѣчи и противъ молодости — юношей. Васъ обманываютъ, Вы сами обманываетесь — это святки, все наряженые. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья Россіи и кто любитъ только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что *еще* друзья Россіи *могутъ быть* и вашими. Велите же скорѣе снять маски, Вы удивитесь — этотъ маскарадъ, Васъ окружающій, не похожъ на тотъ, который дѣлали два года тому назадъ для великихъ князей въ кадетскомъ корпусѣ, тамъ дѣти представляли волковъ и вепрей, а тутъ вепри и волки представляютъ сановниковъ и отцовъ отечества.»

. . . Россія дала *пять лѣтъ ожиданія* за нѣсколько добрыхъ словъ, за желаніе добра. И что же вышло? Такое же доказательство неспособности, несостоятельности въ добрѣ, какое оказалось за пять лѣтъ,—*въ злѣ!*...

. . . Ослабимъ правительство нашимъ неучастіемъ. Дѣла и съ нимъ стоятъ, а *дѣлопроизводство* не остановится. У него и безъ насъ довольно помощниковъ, оно развело во всѣхъ канцелярскихъ щеляхъ — писарей, бюрократовъ-нѣмцовъ, бюрократовъ-доктринеровъ. Они для него возвели чиновничество въ науку, оно для нихъ низвело правительство на степень управы благочинія. Изъ благодарности они должны остаться съ правительствомъ, какъ мыши съ тонущимъ кораблемъ. . . .

А мы будемте *сами собой!*

---

4. ИСПОЛИНЪ ПРОСЫПАЕТСЯ.

(*Колоколъ* № 110, 1 ноября 1861 года.)

. . . Въ Россіи закрыты университеты — въ Польшѣ церкви сами закрылись, оскверненныя полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ въ потьмахъ? Они сошли съ ума — долой ихъ съ козелъ, если не хотите съ ними грохнуться о землю!

Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?... Сказать вамъ куда?

Прислушайтесь — благо тьма не мѣшаетъ слушать — со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ — это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! къ народу!* — вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не *подлячіе*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!

Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ проходитъ. Вы *тайно* еще печатаете дома, но *явно* протестуете. Хвала вамъ, меньшіе братья, и наше дальнее благословеніе! О, еслибъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься — когда мы читали о *студентскомъ днѣ въ Петербургѣ.*

V. МИХАИЛЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ МИХАЙЛОВЪ.

(1861 — 62 — 65)

1. Изъ прокламаціи Михайлова «Къ молодому поколѣнію».

Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ и оставалось только объявить его, русское правительство прежде всего струсило; оно испугалось своего собственнаго дѣла, —ну, а если вся Россія поднимется? если народъ пойдетъ на зимній дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ великомъ посту, а балаганы на время маслянницы отнесли подальше отъ дворца — на царицынъ лугъ. О, знаніе сердца человѣческаго! О, знаніе русскаго народа! Вѣдь правительство думало, что оно осчастливитъ свой народъ? Гдѣ-же слыхано, чтобы человѣкъ счастливый пошелъ бить стекла и колотить встрѣчныхъ? Если же правительство боялось народа, значитъ, оно имѣло причины его бояться. И точно, причина была. Во первыхъ, государь обманулъ ожиданіе народа — далъ ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ мечталъ и какая ему нужна. Во вторыхъ, онъ укралъ у него радость, объявилъ манифестъ въ великомъ посту, а не 19 февраля. Въ третьихъ, организаціей коммиссій, составлявшихъ и разсматривавшихъ «положеніе», Государь показалъ полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, т. е. къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части русскаго общества — къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ разрѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть — царь давалъ народу волю, какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры.

Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству. Не народъ существуетъ для правительства, а правительство для народа. Слѣдовательно очевидно, что правительство, которое не понимаетъ народа, не знаетъ его нуждъ и потребностей, которое, считая себя помѣщикомъ, дѣйствуетъ исключительно въ своекорыстныхъ цѣляхъ, которое, наконецъ, презираетъ народъ имъ управляемый — недостойно этого народа. Романовы, вѣроятно, забыли, что они свалились не съ неба, а выбраны наро-

домъ, потому что ихъ считали способнѣе управлять Россіей, чѣмъ какихъ-нибудь польскихъ или шведскихъ королевичей. Вотъ почему, если они не оправдываютъ надеждъ народа — долой ихъ! Намъ не нужна власть, оскорбляющая насъ; намъ не нужна власть, мѣшающая умственному, гражданскому и экономическому развитію страны; намъ не нужна власть, имѣющая своимъ лозунгомъ развратъ и своекорыстіе.

Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность; мы хотимъ имѣть главой простаго смертнаго, человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій. Намъ нуженъ не императоръ, помазанный масломъ въ успенскомъ соборѣ, а выборный старшина, получающій за свою службу жалованье.

Освобожденіе крестьянъ и послѣдніе четыре года показали, что новое правительство, при своемъ настоящемъ составѣ и при тѣхъ правахъ, которыми оно пользуется, рѣшительно никуда не годится. Все та-же сіятельная тупость и подлость окружаютъ царя; все тѣ-же казнокрады, Адлерберги и Муравьевы, стоятъ во главѣ правительства; Россіи правительство не знаетъ и знать не хочетъ; общественнаго мнѣнія для него не существуетъ, какъ не существуетъ для него русскаго общества, какъ не существуетъ для помѣщика мнѣнія его крестьянъ. Правительство наше знаетъ только себя и дѣлаетъ только то, что ему выгодно. Укажите намъ людей, довольныхъ правительствомъ! Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, содраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ-за которыхъ страдаютъ 60 милліоновъ? И это правительство, и это императорская власть!

Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено императорской властью. Обижены всѣ. Послѣдняя обида нанесена какъ разъ въ то время, когда императорская власть думала, что она творитъ великое дѣло, что она кладетъ первый камень великому будущему Россіи. Мы не отвергаемъ важности факта, заявленнаго манифестомъ 19 февраля; но мы видимъ важность его не въ томъ, въ чемъ видитъ его важность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію; къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ

экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому.

Моментъ освобожденія великъ потому, что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора сдѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что сдѣлали крестьяне одного имѣнія Тамбовской губерніи съ своими управляющими изъ нѣмцевъ. Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей въ телѣги, вѣжливо просили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнья, и также вѣжливо просили ихъ вылѣзть. «Мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе», сказали крестьяне нѣмцамъ, «но больше его не хотимъ; ступайте съ богомъ, куда вамъ угодно, но ужь къ намъ больше не возвращайтесь.»

Правительство наше вѣроятно не догадывается, что, положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками, и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помѣщицей. Кончились помѣщики, кончилось и императорство — у него нѣтъ больше почвы, осталось имя безъ сущности, форма безъ содержанія....

... Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу — тѣмъ хуже для него. Общее неудовольствіе могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны—они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство, время поправить бѣду еще не ушло; но пусть же оно и не медлитъ....

... Молодое поколѣніе! не забывайте этого. Не забывайте же того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личнымм интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію,—вы—настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло сдѣланное намъ императорской властью, вы должны показать народу, что тутъ нѣтъ никакого помазанія, что богъ познается въ дѣлахъ общаго блага, въ

дѣлахъ добрыхъ, а гдѣ добра нѣтъ, тамъ дѣйствуетъ злая сила — духъ тьмы, этотъ-то духъ и есть русская императорская власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ.

Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобы онъ владѣлъ землей, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ.

Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что и у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ.

Объясните все это народу и солдатамъ; но не забудьте прибавить, что помѣхой всему царь и его министры, для которыхъ это не выгодно. . . .

Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши, что онъ разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придемъ ли къ благосостоянію? — односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копѣечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется — деньги.

А эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ, конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; они черствятъ человѣка; они ведутъ къ сословному разъединенію, къ привиллегированнымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической

зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести . . .

Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60 милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастію? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки; мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастіа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи, и гниль прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ; а мы для себя попытаемся поискать другой. . . . Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому-же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. . . .

. . . Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастія, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своей жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему было и некогда за политическими бирюльками. А, между тѣмъ, русская мысль зрѣла; мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ не ладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставимте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву,

которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. . . .
—Чего же вы хотите? могутъ, наконецъ, спросить насъ...
. . . Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ — выборная и ограниченная.

Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры.

Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія. Если крестьяне имѣютъ это право, если они избираютъ сами изъ себя старшинъ и головъ, если общинамъ предоставлено право гражданскаго суда и полицейской расправы, зачѣмъ же этими правами выборнаго начала и самоуправленія не пользуется вся остальная Россія? Или все остальное населеніе хуже понимаетъ свои потребности и потребности страны? Или въ немъ меньше смыслу, чѣмъ въ земледѣльческомъ населеніи? Нѣтъ, этого не скажетъ наше правительство. Оно дало крестьянамъ волю потому, что боялось крестьянскихъ топоровъ; но насъ никто и никогда не боялся. Теперь-же мы сильнѣе, и мы хотимъ послѣдовательнаго развитія началъ народнаго управленія. Наша сельская община есть основная ячейка, собраніе такихъ ячеекъ есть Русь. Вездѣ должно проходить одно начало. Вотъ что намъ нужно.

Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинакими правами, чтобы привиллегированныхъ сословій не существовало; чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала. Мы не хотимъ дворянства и титулованныхъ особъ. Мы хотимъ равенства всѣхъ предъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ.

Мы хотимъ, чтобы денежные сборы съ страны не шли неизвѣстно куда; чтобы ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ.

Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія императорской полиціи — явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины, т. е. или приписаться къ общинѣ существующей или нѣсколько гражданъ могли бы составить новую общину. Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами чрезъ большіе сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общиннаго владѣнія землей есть заблужденіе, пусть она кончится сама собой, умретъ вслѣдствіе собственной несостоятельности, а не подъ вліяніемъ экономическаго ученія Запада.

Мы хотимъ, чтобы 9 милліоновъ десятинъ свободныхъ земель европейской Россіи (оброчныя статьи) были отданы дворовымъ людямъ, пущеннымъ манифестомъ 19 февраля по міру.

Мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ: мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцію эту не въ состояніи взять на себя правительство, пусть возьмутъ ее всѣ сословія страны. Это путь мирный, и мы хотѣли бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу. . . .
. . . Мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостнаго права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи; мы хотимъ полнаго обновленія страны.

Мы хотимъ уничтоженія мѣщанства, этой неудавшейся русской буржуазіи, выдуманной Екатериной II. И какіе они tiers-etat! тѣ же крестьяне, какъ и всѣ остальные, но безъ земли, бѣдствующіе, гибнущіе съ голоду. Имъ должна быть дана земля.

Мы хотумъ сокращенія расходовъ на безполезно громадную армію. Она стоитъ намъ болѣе 100 милліоновъ деньгами, да военныя натуральныя повинности, падающія на народъ, стоятъ почти столько-же (90 милліоновъ). А чего стоитъ потеря въ рабочей силѣ, оторванной отъ плуга и отъ верстака? На сколько долженъ народъ уси-

лить свои занятія, чтобы трудящіеся люди работали за ничего не дѣлающую армію? . . .

. . . Мы хотимъ, чтобы срокъ службы солдату не была цѣлая вѣчность, убивающая въ немъ всѣ гражданскія способности, всѣ человѣческія силы, дѣлающая его никуда негоднымъ въ отставкѣ.

Мы хотимъ сокращенія расходовъ на все управленіе; мы хотимъ уничтоженія вредныхъ для народа управленій, какъ министерство государственныхъ имуществъ, министерство двора, удѣльное управленіе. . . .

. . . Мы хотимъ сокращенія расходовъ на царскую фамилію. . . .

. . . Мы хотимъ освобожденія изъ казематовъ и возвращенія изъ ссылки всѣхъ осужденныхъ за политическія преступленія; мы хотимъ возврата на родину всѣхъ политическихъ выходцевъ. . . .

. . . Но кому мы указываемъ эту программу? Кто станетъ ее выполнять? гдѣ у насъ люди, понимающіе свои гражданскія и человѣческія права и способные предъявить свои требованія? . . .

. . . Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодаго поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ, всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола — чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій, обреченные на самое жалкое существованіе и зависящіе вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ: войско, находящееся совершенно въ такомъ же положеніи — и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19 февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату.

Обращаемся еще разъ ко всѣмъ, кому дорого счастье Россіи, обращаемся еще разъ къ молодому поколѣнію. Довольно дремать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку, или разсказывать все одни и тѣ же разсказы объ однихъ и тѣхъ же плутняхъ разныхъ Муравьевыхъ. Довольно корчить либераловъ. . .

. . . Говорите чаще съ народомъ и съ солдатами, объясняйте имъ все, чего мы хотимъ, и какъ легко всего этого достигнуть: насъ милліоны, а злодѣевъ сотни. Стащите съ пьедестала, въ мнѣніи народа, всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами, объясните

народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять эту простую вещь — что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ и изъ носа мужицкаго. Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло и въ одинъ годъ подвинется далеко. Но этого мало, готовьтесь сами къ той роли, какую вамъ придется играть; зрѣйте въ этой мысли, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, то и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14 декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ право умирать не легче!

---

2. Отвѣты Михайлова на судѣ.

Судъ надъ Михайловымъ за его прокламацію «Къ молодому поколѣнію» происходилъ при закрытыхъ дверяхъ и никакихъ отчетовъ о немъ нигдѣ напечатано не было, но Герценъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтился однажды съ однимъ сенаторомъ, который присутствовалъ на судѣ, и передалъ Герцену нѣсколько свѣдѣній о немъ. Этотъ свой разговоръ съ сенаторомъ Герценъ записалъ и опубликовалъ въ 1862 году въ *Колоколѣ* № 131. — Ред.

«Я, по счастію, не былъ въ числѣ его (Михайлова) судей,» говорилъ сенаторъ: «стало, я не себя защищаю. По человѣчеству, — мнѣ его жаль, я видѣлъ его, — болѣзненный, худой. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я вамъ долженъ сказать, что такой закоренѣлой дерзости, какую показалъ Михайловъ, я не видывалъ... 'est du Robespierre. . . Вы не неимѣете идеи, что это такое. Прежде, по крайней мѣрѣ, люди отпирались, чувствовали ужасъ своего положенія, а этотъ господинъ, тщедушный, въ очкахъ, прямо говоритъ— такъ и такъ. Я помню нѣкоторые изъ его отвѣтовъ.... Въ Англіи, сидя вдвоемъ въ вагонѣ, страшно повторить. Что-же правительству дѣлать? что дѣлать судьямъ?»

— «Да вы припомните что-нибудь!» (обратился къ сенатору Герценъ).

— «Такія вещи не часто удается слышать, — (ихъ) я у себя въ памятную книжку записалъ».

— «Это чрезвычайно любопытно».

— «Да-съ, я думаю. Вотъ постойте, она у меня тутъ въ сакѣ», онъ порылся и досталъ книжку. Потомъ добавилъ: «посудите сами».

Тутъ онъ началъ читать — пропуская, останавливаясь, повторяя.

«На вопросъ: *какихъ вы убѣжденій относительно русскаго правительства?* Михайловъ отвѣчалъ:

— «Я давно уже имѣлъ случай ознакомиться съ принципами нашего правительства и нахожу ихъ таковыми, что честный человѣкъ не только не можетъ раздѣлять, но и одобрять ихъ.

«Напрасно уничтоженіемъ крѣпостного права на бумагѣ, вы хотите включить Россію въ число умѣренно-либеральныхъ, цивилизованныхъ державъ. Она теперь ничто иное, какъ огромное имѣніе, разстроенное распутствомъ богатаго своего помѣщика.

«Напрасно въ 'Сводѣ Законовъ' вы помѣстили слово 'гражданинъ', потому, что, гдѣ нѣтъ гражданскихъ правъ, тамъ это слово мертвая—буква. У насъ вмѣсто правъ существуютъ сословныя привиллегіи и преимущества, выросшія на почвѣ личнаго произвола».

«*Не выражали-ли вы вашихъ убѣжденій публично?*»

— «За неимѣніемъ публичной общественной мысли, и при нынѣшнемъ положеніи прессы—которое дѣйствительнымъ гнетомъ лежитъ на дорогѣ нашего національнаго развитія, писателю невозможно высказаться передъ народомъ, а народу невозможно высказаться въ писателѣ. Уничтожьте цензурный комитетъ, если васъ интересуетъ взглядъ мыслящаго общества на правительство. Вы только откройте инструментъ, а музыка будетъ».

— «*Не дѣйствовали-ли вы противъ правительства и какъ именно?*»

— «Вы дошли, наконецъ, до такого вопроса, на который привыкли получать отрицательный отвѣтъ. Но на этотъ разъ откровенность взяла верхъ. Я не буду спорить съ вами.—Да, я дѣйствовалъ противъ правительства путемъ пропаганды, тѣмъ послѣднимъ, который вы стараетесь запереть легіонами вашихъ сыщиковъ. А кстати по какому праву эта подлая сволочь, спрошу я васъ, содержится на счетъ правительства, а не государя?»

Михайлову было посвящено написанное Утинымъ **(63)** стихотвореніе: «Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи», на которое Михайловъ отвѣтилъ извѣстнымъ: «Крѣпко, дружно васъ въ объятья», сдѣлавъ при этомъ слѣдующую приписку:»

«Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь! Дай богъ лучшаго времени, хоть, можетъ, мнѣ уже не суждено воротиться.»

VI. «ВЕЛИКОРУССЪ».

(Прокламація съ приложеніемъ къ ней проекта адреса Александру II.)

(61)

...Мнѣнія о томъ, способна-ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ, о произнесенныхъ будто-бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, наклоннымъ къ спокойному пользованію почетностію и матеріальными выгодами своего положенія. — Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцемъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія и пріобрѣтенной имъ привычкѣ пользоваться неограниченною властью, и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ, и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе, подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты политической боязнію свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, по прежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ

участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя-бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластія добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію къ онымъ. Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему-же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи — дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простаго народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ.

Видя такое разногласіе между друзьями свободы, комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія — вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія націи. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно....

...Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адрессъ. Проэктъ адресса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что-же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ рости; руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адрессѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ....

...На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность, организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили-бы партіями. Главныя правила тутъ: 1) не должно ничего ввѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ. Всѣ дѣла должно вести изустно, 2) никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего города, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого комитета. Эти правила должно соблюдать неуклонно. Человѣкъ, нарушающій ихъ, вреденъ для дѣла, и партія должна прекратить всякія сношенія съ нимъ.

Держась этихъ правилъ, комитеты могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ открытія, ихъ нельзя будетъ даже назвать тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою, и предотвращающихъ напрасныя столкновенія. Разумѣется, они позаботятся заслужить довѣріе молодежи. Давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды, они будутъ удерживать ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, иначе неизбѣжныхъ, и спасутъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ, которымъ подверглись-бы они, не имѣя, какъ теперь, осторожныхъ руководителей въ наступающія смутныя времена.

Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступитъ въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ должно знать ихъ, для пользы дѣла....

...На первое время должно ограничиться пропагандою

мысли объ адрессѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка.

Рѣшительныя дѣйствія: собираніе подписей къ адрессу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю— надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адресса только тогда, — когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстности нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что согласившись на все, династія будетъ потомъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, оно не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно-ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

Этимъ нумеромъ и проектомъ адресса наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать — намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила-бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію — народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ.

Всемилостивѣйшій государь,

Положеніе нашей русской родины тяжко и опасно.

Дѣло объ уничтоженіи крѣпостнаго права рѣшено въ смыслѣ противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19 февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ, которыхъ вознаградитъ государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19 февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ.

Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ — то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ. Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее ваше подчиненіе — чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей

польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи.

VII. «МОЛОДАЯ РОССІЯ».

(ПРОКЛАМАЦІЯ.)

(1862)

Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія. Прослѣдите жизнь всѣхъ сословій и вы увидите, что общество раздѣляется въ настоящее время на двѣ части, интересы которыхъ діаметрально противоположны, и которыя, слѣдовательно, стоятъ враждебно одна къ другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропотъ народа, народа, угнетаемаго и ограбляемаго всѣми, у кого въ рукахъ есть хоть доля власти, — народа, который грабятъ чиновники и помѣщики, продающіе ему его же собственность — землю, грабитъ и царь, увеличивающій болѣе чѣмъ вдвое прямыя и косвенныя подати, и употребляющій полученныя деньги не на пользу государства, а на увеличеніе распутства двора, на приданое фрейлинамъ-любовницамъ, на награду холоповъ, прислуживающихъ ему, да на войско, которымъ хочетъ оградиться отъ народа.

Опираясь на сотни тысячъ штыковъ, царь отрѣзываетъ у большей части народа (у казенныхъ крестьянъ) землю, полученную имъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ это въ видахъ государственной необходимости и въ то же время, какъ-бы въ насмѣшку надъ бѣднымъ, ограбляемымъ крестьяниномъ, даруетъ по нѣсколько тысячъ десятинъ генераламъ, покрывшимъ русское оружіе неувядаемою славою побѣдъ надъ безоружными толпами крестьянъ, чиновникамъ, вся заслуга которыхъ — немилосердный грабежъ народа, — тѣмъ, которые умѣютъ ловчѣе подать тарелку, налить вино, красивѣе танцуютъ, лучше льстятъ!

Эта всѣми притѣсняемая, всѣми оскорбляемая партія, партія — народъ.

Сверху, надъ нею стоитъ небольшая кучка людей довольныхъ, счастливыхъ. Это — помѣщики, предки которыхъ, или они сами, были награждены населенными имѣніями за свою прежнюю холопскую службу. Это—потомки бывшихъ любовниковъ императрицъ, щедро одаренные при отставкѣ. Это—купцы, нажившіе себѣ капиталы грабежомъ и обманомъ. Это — чиновники, накравшіе себѣ состоянія. Однимъ словомъ, всѣ имущіе, — всѣ, у кого есть собственность родовая, или благопріобрѣтенная. Во главѣ ея царь. Ни онъ безъ нея, ни она безъ него существовать не могутъ. Падетъ одинъ, — уничтожится и другая. Въ настоящее время партія либеральничаетъ, обиженная отнятіемъ у нея права на даровую работу крестьянъ, ругаетъ государя, требуетъ конституціи, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою и звено соединенія—собственность. Она понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности, и потому въ минуту возстанія окружитъ своего естественнаго представителя-царя. Это партія *императорская*.

Между этими двумя партіями издавна идетъ споръ,— споръ, почти всегда кончавшійся не въ пользу народа. Но едва проходило нѣсколько времени послѣ пораженія, народная партія снова выступала. Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею. Она пойдетъ рѣзать помѣщиковъ, какъ было въ восточныхъ губерніяхъ въ 30-хъ годахъ, за ихъ притѣсненія; она встанетъ съ благороднымъ Антономъ Петровымъ — и противъ всей императорской партіи.

Къ этой безурядицѣ, къ этому антагонизму партій, антагонизму, который не можетъ прекратиться, пока будетъ существовать современный экономическій порядокъ, при которомъ немногіе, владѣющіе капиталами, являются распорядителями участи остальныхъ, присоединяется и невыносимый общественный гнетъ, убивающій лучшія способности современнаго человѣка....

... Выходъ изъ этого гнетущаго, страшнаго положенія, губящаго современнаго человѣка, и на борьбу съ которымъ тратятся его лучшія силы, одинъ — революція, революція кровавая и неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.

Мы не страшимся ея, хотя и знаемъ, что прольется рѣка крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы: мы предвидимъ все это, и все таки привѣтствуемъ ея наступленіе: мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!...

...Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

Каждая область должна состоять изъ земледѣльческихъ общинъ, всѣ члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно приписаться къ той или другой изъ общинъ: на его долю, по распоряженію міра, назначается извѣстное количество земли, отъ которой онъ, впрочемъ, можетъ отказаться или отдать ее въ наемъ. Ему предоставляется также полная свобода жить внѣ общины и заниматься какимъ угодно ремесломъ, только онъ обязанъ вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не въ пожизненное пользованіе, а только на извѣстное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ міръ производитъ передѣлъ земель. Все остальное имущество членовъ общины остается неприкосновеннымъ въ продолженіе ихъ жизни, но по смерти дѣлается достояніемъ общины.

Мы требуемъ, чтобы всѣ судебныя власти выбирались самимъ народомъ; требуемъ, чтобы общинамъ было предоставлено право суда надъ своими членами во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ однихъ.

Мы требуемъ, чтобы кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли Русской, которое должно собираться въ столицѣ, были-бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней.

Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде

постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются.

Мы требуемъ правильнаго распредѣленія налоговъ; желаемъ, чтобъ онъ падалъ всею своею тяжестью не на бѣдную часть общества, а на людей богатыхъ. Для этого мы требуемъ, чтобы Національное Собраніе, назначая общую сумму налога, распредѣлило бы его только между областями. Уже Областныя Собранія раздѣляютъ его между общинами, а сами общины въ полномъ своемъ собраніи рѣшаютъ, какую подать долженъ платить какой членъ ея, при чемъ обращается особое вниманіе на состояніе каждаго,—однимъ словомъ, вводится налогъ прогрессивный.

Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ также содержанія насчетъ общества больныхъ и стариковъ,—однимъ словомъ всѣхъ, кто не можетъ работать для снисканія себѣ пропитанія.

Мы требуемъ полнаго освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины; требуемъ уничтоженія брака, какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно, и уничтоженія семьи, припятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства.

Мы требуемъ уничтоженія главнаго притона разврата—монастырей, мужскихъ и женскихъ,—тѣхъ мѣстъ, куда со всѣхъ концовъ государства стекаются бродяги, дармоѣды, люди ничего не дѣлающіе, которымъ пріятенъ даровой хлѣбъ, и которые въ тоже время желаютъ провести всю свою жизнь въ пьянствѣ и развратѣ. Имущества какъ ихъ, такъ и всѣхъ церквей должны быть отданы въ

пользу государства и употреблены на уплату долга внутренняго и внѣшняго.

Мы требуемъ увеличенія въ большихъ размѣрахъ жалованья войску и уменьшенія солдату срока службы. Требуемъ, чтобы по мѣрѣ возможности войско распускалось и замѣнялось національной гвардіею.

Мы требуемъ полной независимости Польши и Литвы, какъ областей, заявившихъ свое нежеланіе оставаться соединенными съ Россіею.

Мы требуемъ доставленія всѣмъ областямъ возможности рѣшенія по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной республики русской.

Безъ сомнѣнія мы знаемъ, что такое положеніе нашей программы, какъ федерація областей, не можетъ быть приведено въ исполненіе тотчасъ же. Мы даже твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительства, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы). Къ чему приводитъ невмѣшательство революціоннаго правительства въ выборы—доказываетъ прошлое французское Собраніе 48 года, погубившее республику и приведшее Францію къ необходимости выбора Луи Наполеона въ императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, къ намъ обратятся съ вопросомъ: на кого же мы надѣемся, гдѣ тѣ элементы, сгруппировать которые мы хотимъ, кто на нашей сторонѣ?

Мы надѣемся на народъ: онъ будетъ съ нами, въ особенности старообрядцы, а вѣдь ихъ нѣсколько милліоновъ. Забитый и ограбленный крестьянинъ станетъ вмѣстѣ съ нами за свои права, онъ рѣшитъ дѣло, но не ему будетъ принадлежать иниціатива его, а — войску и нашей молодежи.

Мы надѣемся на войско, надѣемся на офицеровъ

возмущенныхъ деспотизмомъ двора, той презрѣнной ролью, которую они играли и теперь еще играютъ, убивая своихъ братьевъ поляковъ и крестьянъ, повинуясь безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ государя. Они вспомнятъ сентябрскій приказъ (61), разберутъ хорошенько, въ какое положеніе поставятъ себя, если станутъ исполнять его, да кстати вспомнятъ и свои славныя дѣйствія въ 1825 г., вспомнятъ безсмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззваніемъ къ ней мы оканчиваемъ нынѣшній нумеръ журнала, потому что она заключаетъ въ себѣ все лучшее Россіи, все живое, все, что станетъ на сторонѣ движенія, все, что готово пожертвовать собою для блага народа.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйдти вожаки народа, что ты дожна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной дѣятельности, смотри, чтобъ тебя не застали въ расплохъ! Готовься, а для того сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми Центральный Революціонный Комитетъ самъ постарается войдти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей дѣйствительно революціонныхъ и на которыхъ вы можете вполнѣ положиться.

Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская! — Двинемся на Зимній дворецъ истребить живущихъ тамъ. Можетъ случиться, что все дѣло кончится однимъ истребленіемъ императорской фамиліи, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но можетъ случиться,—и это послѣднее вѣрнѣе,—что вся императорская партія, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за государя, потому что здѣсь будетъ идти вопросъ о томъ, существовать ей самой или нѣтъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ полною вѣрою въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой вышло на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ: «въ топоры», — и тогда... тогда бей император-

скую партію, не жалѣя, какъ не жалѣетъ она насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выдти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ!

Помни, что тогда кто будетъ не съ нами, тотъ будетъ противъ; кто противъ—тотъ нашъ врагъ; а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами.

Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя повторять: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!

А если возстаніе не удается, если придется намъ поплатиться жизнію за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: «*да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!*»

VIII. ДѢЛО ПОДПОЛКОВНИКА А. КРАСОВСКАГО. (1862)

За революціонную пропаганду среди крестьянъ и распространеніе приведенной ниже прокламаціи между солдатами, посланными въ іюнѣ 1862 г. для усмиренія крестьянскаго бунта въ Каневскій уѣздъ (62), подполковникъ Красовскій былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни. 11 октября Александръ II на докладѣ генералъ-аудиторіата собственноручно написалъ: «Подполковнику Красовскому замѣнить смертную казнь политическою смертью, съ исполненіемъ надъ нимъ обряда, въ семъ случаѣ въ законахъ установленнаго и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ».—25 октября эта конфирмація была исполнена предъ войсками кіевскаго гарнизона. Воззваніе Красовскаго распространено имъ всего въ 10 рукописныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ 4 не были найдены начальствомъ. (См. *Колоколъ* 1863 г. 1 мая.)

1. Прокламація Красовскаго къ солдатамъ своего полка.

Житомірцы!

Полкъ вашъ молодецки дрался во всѣхъ кампаніяхъ, но еще ни разу не поднималъ руки на своихъ, не отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ безоружныхъ крестьянъ, своихъ-же русскихъ. Для этого теперь-же выводятъ васъ изъ Кіева раньше времени.

Помните-же, друзья, что русскій солдатъ—защитникъ своей родины, а не цѣнной «барбосъ», котораго спускаютъ безъ разбора на звѣрей и на человѣка,—не бѣшеная собака, одинаково кусающая какъ своего, такъ и чужаго. Послѣ войны, народъ встрѣтилъ, какъ друзей и избавителей, тѣхъ изъ васъ, которые остались въ живыхъ, а по убитымъ молится въ церквахъ и понынѣ.

Теперь-же велятъ вамъ быть не друзьями, не спасителями, а палачами того народа, къ которому вы сами принадлежите, между которымъ находятся ваши отцы и братья, сестры и матери. Вамъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ ваши начальники, въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и раззоряютъ несчастнаго мужика, и вы будете угождать тѣмъ людямъ, которыхъ и сами вы терпѣть не можете. Гдѣ-же тутъ правда?

Отцы и матери молились за васъ и благословляли васъ во время войны,—теперь-же васъ можетъ ожидать ихъ проклятіе, и постыдное названіе палачей своего народа можетъ вамъ остаться на всю жизнь.

Не пойти одному, двумъ, тремъ противъ своихъ по приказу командира—мудрено, съ немногихъ легко взыщутъ; а не пойдти всѣмъ очень легко; со всѣхъ-то и взыскать не посмѣютъ. Приказъ сѣчь своихъ и стрѣлять по нимъ, за то, что они хотятъ земли и воли, будь онъ и самаго царя приказъ—все-же онъ приказъ окаянный. Исполнять его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. За это и богъ накажетъ и свои близкіе люди проклянутъ.

Сто разъ умереть такъ, какъ ваши товарищи въ Крыму, чѣмъ жить палачемъ отца и матери, сестры и брата, палачами родной земли русской!

Воины, избивавшіе младенцевъ по приказу царя Ирода, воины, распинавшіе и мучившіе Христа по приказу Пилата, они и начальству своему угодили и присягу соблюли; но народъ и сама церковь святая имъ этого и до сихъ поръ не прощаютъ. То же будетъ и съ вами, если исполните окаянный приказъ.

Поведутъ васъ—идите, но помните—до народа и пальцемъ не дотрогивайся. Кровь его (говоритъ слово божіе) падетъ на васъ и на дѣтей вашихъ. Аминь.

17 іюня 1862 года.

---

2. Отвѣтное письмо солдатъ.

Когда Красовскій сидѣлъ уже въ тюрьмѣ, онъ получилъ отъ своихъ солдатъ слѣдующее письмо:

Солдаты Житомірскаго Резервнаго Батальона
Господину Подполковнику и Кавалеру Красовскому.

Ваше высокоблагородіе! Мерзавцы и подлецы, недостойные благороднаго названія, выдали васъ, но у насъ не все такіе, чтобы васъ не разумѣли; по крайности, сами вы изволите видѣть, что четырехъ изъ вашихъ писемъ не доискались, они у насъ, мы ихъ на память заучили и въ *другіе полки*, кому слѣдуетъ передали. Спасибо вамъ, честный, благородный страдалецъ, за вашу любовь къ бѣдному солдату и его брату, бѣдному мужику. Такіе офицеры, особливо полковники—рѣдкость. Эхъ! ваше высокоблагородіе, кабы вы изволили быть нашимъ начальникомъ, куды мы за вами не пошли-бы! Кабы солдатомъ у насъ въ батальонѣ очутились, не то бы вашу аммуницію,— самихъ бы васъ на рукахъ носили. Честь и слава честному и славному страдальцу, подполковнику малороссійскому!

Насъ, изволите сами видѣть, ваше высокоблагородіе, нынче мало такихъ, что васъ настояще разумѣютъ; завтра будетъ больше половины, а тамъ и всѣ. Наши малороссіянцы вами гордятся и насъ россійскихъ дразнятъ: «такихъ, каже, у васъ, кацаповъ, нема». Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе; мы за васъ будемъ Бога молить, чтобы господь милосердный помогъ дѣло кончить.

Покорно благодаримъ, ваше высокоблагородіе, что и насъ крестьянъ разумнымъ словомъ не оставили.

Житомірцы.

IX. «РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ».

Прокламація эта написана Дм. Ив. Писаревымъ и появилась особымъ листкомъ въ 1862 г. Писаревъ просидѣлъ за нее въ Петропавловской крѣпости четыре года.— Ред.

(1862 — 64 — 68)

Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытать, разстрѣливать, оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполнѣ достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило

въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро, и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки, при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами, и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена? Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль — она ваша. И, не смотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполнѣ удалось замаскировать и предать посмѣянію подобную мысль.

Трудности, которыя пришлось намъ одолѣвать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши, пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но вѣроятно Герценъ не преминетъ дать пощечину въ своемъ *Колоколѣ* какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

Интересно бы знать, во сколько обходится это правительство?

Печатано въ Петербургѣ.

X. ПОЛЬСКО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ.

(1861 — 62 — 63 — 64)

1. Письмо Варшавскаго Центральнаго Комитета къ Издателю *Колокола*.*

... Союзъ Поляковъ съ Русскими на дѣло общаго освобожденія представляетъ такую очевидную пользу для обѣ-

---

* Это письмо было привезено Герцену осенью 1862 изъ Варшавы — Подлевскимъ, который въ слѣдующемъ году былъ повѣшенъ во время возстанія (63). Объ отношеніяхъ Герцена къ полякамъ см. 146-147 №№ *Колокола* и «Послѣднія сочиненія А. Герцена».—Ред.

къ тому дѣлу, за которое я погибаю. Посылаю дружескій привѣтъ всѣмъ, съ кѣмъ я работалъ.

Тысячу разъ обнимаю и привѣтствую всѣхъ тѣхъ, кто меня знаетъ и помнитъ. Братское рукопожатіе тѣмъ, кто были лишь моими товарищами по оружію.

Обнимаю васъ всѣхъ въ послѣдній разъ отъ всего сердца. Будьте счастливы и не забывайте «рыжаго Григорія».

Станиславъ Куницкій.

10-й павильонъ, 23 декабря 1885 г.

XXX. СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

(1883 — 1896)

Съ 1883 года за границей возникла изъ бывшихъ участниковъ Чернаго Передѣла (В. И. Засуличъ, Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода) группа Освобожденія Труда, начавшая пропаганду соціаль-демократическихъ идей въ рядѣ отдѣльныхъ изданій («Соціализмъ и политическая борьба» Плеханова, его же «Наши Разногласія» 1885 г., брошюры Маркса и Энгельса, и проч.), въ непеpіодическомъ органѣ *Соціаль-демократъ* (1888, 1890 — 1892 г.г.) и *Сборникъ*, *Работникъ* (1896).

Возникшія въ Россіи соціаль-демократическія группы занимались главнымъ образомъ пропагандой и организаціей среди городскихъ рабочихъ, печатаніемъ въ тайныхъ типографіяхъ прокламацій и брошюръ. Въ 1896 году соціаль-демократы приняли дѣятельное участіе въ извѣстной стачкѣ петербургскихъ рабочихъ.—Ред.

1. Программа соціаль-демократической группы Освобожденіе труда.

Трудящееся населеніе Россіи непосредственно несетъ на себѣ всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотическаго государства, и въ то же время переживаетъ всѣ бѣдствія, свойственныя эпохѣ капиталистическаго *накопленія*, а мѣстами, — въ нашихъ промышленныхъ центрахъ, — оно испытываетъ уже гнетъ капиталистическаго *производства*, не ограниченный еще ни сколько нибудь рѣшительнымъ государственнымъ вмѣшательствомъ, ни организованнымъ противодѣйствіемъ самихъ рабочихъ. Современная Россія страдаетъ — какъ говорилъ когда-то

Марксъ о западѣ европейскаго континента, — не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостатка этого развитія.

Однимъ изъ вреднѣйшихъ слѣдствій этого отсталаго состоянія производства было и есть до сихъ поръ неразвитое состояніе средняго класса, который не способенъ у насъ взять на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ.

Соціалистической интеллигенціи пришлось, поэтому, стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, причемъ соціалисты, съ своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи.

Первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ, за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, *позорныя* дѣйствія, къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

5) Свободу передвиженія и занятій.

6) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія.

7) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

8) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Но цѣль эта останется недостигнутой, политическая самодѣятельность рабочихъ будетъ немыслима, если паденіе абсолютизма застанетъ ихъ въ совершенно неподготовленномъ и неорганизованномъ состояніи.

Поэтому, на соціалистической интеллигенціи лежитъ обязанность организаціи рабочихъ и посильной *подготовки* ихъ къ борьбѣ, какъ съ современной правительственной системой, такъ и съ будущими буржуазными партіями....

. . . Группа Освобожденіе труда задается цѣлью пропаганды современнаго соціализма въ Россіи и подготовки рабочаго класса къ сознательному соціально-политическому движенію.

Преслѣдуя эту цѣль всѣми зависящими отъ нея средствами, группа Освобожденіе труда въ тоже время признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства и расходится съ партіей Народной Воли лишь по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти революціонной партіей и о задачахъ непосредственной дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочаго класса.

Группа *Освобожденіе труда* ни мало не игнорируетъ крестьянства, составляющаго огромнѣйшую часть трудящагося населенія Россіи. Но она полагаетъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на болѣе развитый слой этого населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалистическая интеллигенція можетъ съ гораздо большею надеждой на успѣхъ распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство, въ особенности, если она добьется къ тому времени свободы агитаціи и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что распредѣленіе силъ нашихъ соціалистовъ должно будетъ измѣниться, если въ крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное движеніе, и что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Группа Освобожденіе труда не только не отталкиваетъ отъ себя такихъ людей, но приложитъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ положеніяхъ программы.

2. Къ программѣ соціаль-демократовъ.

(Изъ брошюры Плеханова «О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» 1892 г.)

Историческая роль пролетаріата настолько же революціонна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичкѣ» цѣлыя тысячелѣтія непоколебимо держались восточныя деспотіи. Пролетаріатъ въ сравнительно очень короткое время расшаталъ всѣ «основы» западно-европейскаго общества. Въ Россіи же его развитіе и политическое воспитаніе идетъ несравненно скорѣе, чѣмъ шло на Западѣ. Въ Россіи пролетаріатъ растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ буквально не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный богатырь. Въ какія-нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости. . . .

. . . Русскій пролетаріатъ особенно окрѣпъ и развился въ царствованіе Александра III, т. е. въ эпоху самой свирѣпой реакціи и самаго безотраднаго застоя, въ такую эпоху, когда «интеллигенція» безнадежно опускала руки, теряя вѣру и въ самое себя, и въ свои «идеалы». Если бы надо было привести примѣръ такой страны, въ которой общественное развитіе быстро подвигается впередъ, несмотря на всѣ усилія всемогущихъ, повидимому, реакціонеровъ, то Россія послѣдняго десятилѣтія была бы лучшимъ и самымъ поразительнымъ изо всѣхъ примѣровъ этого рода. Въ этой странѣ, гдѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ образованіемъ и надо всякими «завиральными» идеями, и гдѣ сами сторонники этихъ идей начинали думать, что ничѣмъ нельзя остановить исполненіе этого страшнаго приговора, въ этой подавленной, умственно и матерьяльно обнищалой странѣ, незамѣтно и безшумно, но неуклонно и неудержимо совершается молекулярная работа внутренняго обновленія, и между тѣмъ какъ разочарованная «интеллигенція» смѣется надъ идеалами своихъ «людей стараго поведенія» или увлекается странными фантазіями страннаго графа, рабочій классъ учится, читаетъ, знакомится съ движеніемъ западнаго пролетаріата, проникается непримиримой ненавистью къ деспотизму, сознаніемъ своей силы, своихъ интересовъ и своего достоинства, и тѣмъ самымъ обращаетъ въ полнѣйшее ничто десятилѣтнія усилія реакціи. Россія

девяностыхъ годовъ оказывается гораздо болѣе созрѣвшей для революціи, чѣмъ была Россія семидесятыхъ годовъ въ самый сильный разгаръ тогдашняго революціоннаго движенія.

Развитіе капитализма принесло съ собой не только окончательное раззореніе крестьянскаго хозяйства и не только истощеніе русской почвы. Оно подорвало основы самодержавія и вызвало къ жизни тѣ общественные классы, которымъ суждено быть его могильщиками. Одинъ изъ этихъ новыхъ на Руси общественныхъ классовъ, — и наиболѣе революціонный изъ нихъ: *пролетаріатъ* — уже теперь, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, хорошо сознаетъ свои политическія задачи. Другой — отсталый, буржуазія — долженъ будетъ сознать *свои* подъ страхомъ раззоренія. Это уже огромный шагъ впередъ, это надежное ручательство за лучшее будущее, это полное отрицаніе азіатскаго застоя, составлявшаго когда-то отличительную черту Россіи. Наши славянофилы и охранители всякаго рода ужасно любили противопоставлять спокойную, консервативную Россію безпокойному, революціонному Западу. Подобное противопоставленіе имѣло смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока внутреннія отношенія Россіи не уподобились внутреннимъ отношеніямъ западной Европы. Теперь оно становится безсмысленнымъ, потому что теперь старый экономическій строй Россіи разсыпается какъ карточный домикъ, какъ гнилушка, истлѣвшая и обратившаяся въ пыль. И теперь всѣ мы, враги существующаго порядка, чувствуемъ, наконецъ, твердую почву подъ ногами. Теперь пришло наше время! . . .

Наши народники горько плачутъ о превращеніи русскаго крестьянина въ пролетарія. Ихъ представленія не идутъ дальше угрожающей пролетарію бѣдности. Но развѣ мало бѣдствовалъ *крестьянинъ*? Развѣ царизмъ не обѣщалъ намъ увѣковѣчить то мнимое благосостояніе «мужичка», благодаря которому этотъ послѣдній, по признанію самихъ реакціонеровъ даже въ самые урожайные годы могъ бы показаться европейцу полумертвымъ отъ голода нищимъ? О, нѣтъ, пора разогнать славянофильскій туманъ, пора, давно пора понять, что развитіе пролетаріата обѣщало намъ не увеличеніе народныхъ страданій — въ этомъ отношеніи русскому народу дальше идти уже некуда — а появленіе возможности успѣшной борьбы съ ними. . . .

Наша задача, задача русскихъ соціалистовъ, сводится къ содѣйствію роста классоваго сознанія русскаго пролетаріата.

И намъ тѣмъ легче рѣшить эту задачу, что русскій пролетаріатъ обнаруживаетъ самые недвусмысленные признаки политическаго пробужденія. Политически онъ *уже* переросъ буржуазію. Онъ раньше ея пришелъ къ мысли о политической свободѣ.

Рабочій классъ, въ среду котораго проникла мысль о политической свободѣ, это уже сознательный рабочій классъ. Но пока онъ говоритъ *только* о политической свободѣ, его политическое сознаніе находится еще въ неразвитомъ состояніи, оно еще не стало *классовымъ его сознаніемъ*.

На эту высшую степень политическаго развитія рабочій классъ поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношеніе къ буржуазіи, причину своего подчиненія эксплуататорамъ.

Тогда политическая свобода перестаетъ играть въ его глазахъ роль панацеи, способной излѣчить общественный организмъ ото всѣхъ возможныхъ болѣзней. Тогда онъ ставитъ передъ собой задачу своего экономическаго освобожденія, великую цѣль, *которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство.**

XXXI. УБІЙСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ СИБИРИ ВЪ 1889 ГОДУ.

Въ 1889 году въ Сибири произошелъ рядъ страшныхъ избіеній политическихъ ссыльныхъ, главнымъ образомъ народовольцевъ, сосланныхъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ или по суду въ 1880—1887 г.г.

Въ мартѣ этого года многихъ ссыльныхъ, находившихся въ Якутскѣ рѣшено было немедленно отправить въ Средне-Колымскъ, не смотря на такія условія, которыя грозили имъ гибелью во время дороги. Ссыльные просили отложить дальнѣйшую ихъ высылку до того

* См. написанный Марксомъ уставъ Международнаго Товарищества Рабочихъ.

XXXII. АНГЛІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ СВОБОДЫ ВЪ РОССІИ.

(1889 — 1896)

«The English Society of Friends of Russian Freedom», основанное въ 1889 г., главнымъ образомъ, стараніями С. М. Кравчинскаго-Степняка, существуетъ и до сихъ поръ. Органомъ его служитъ ежемѣсячное изданіе *Free Russia (Свободная Россія)*, седьмой годъ, выходящая въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ. Въ теченіи этого періода въ Америкѣ выпускалось въ продолженіе четырехъ лѣтъ отдѣльное его изданіе (какъ органъ Американскаго Общества Друзей Свободы въ Россіи, основанный въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1891 г., благодаря усиліямъ Степняка-же) и другое въ Швейцаріи на нѣмецкомъ языкѣ (всего нѣсколько мѣсяцевъ). Первымъ редакторомъ *Free Russia* былъ Степнякъ; затѣмъ журналъ нѣсколько разъ переходилъ подъ редакцію Волховскаго и обратно; въ настоящее время онъ редактируется Ф. Волховскимъ и Ф. Гриномъ. Общество управляется двумя комитетами: *Исполнительнымъ*, ближайшимъ образомъ, завѣдующимъ дѣлами Общества и наблюдающимъ за направленіемъ газеты, и *Генеральнымъ*, которому первый даетъ отчетъ. Секретаремъ Общества состоитъ въ настоящее время Miss Gertrude Mallet, предсѣдателемъ, съ самаго основанія Общества, — докторъ правъ Robert Spence Watson (президентъ либеральной Федераціи Великобританіи).—Ред.

I. Изъ циркуляра Общества Друзей Свободы въ Россіи.*

(Переводъ съ англійскаго.)

Общество Друзей Свободы въ Россіи (The Society of Friends of Russian Freedom) состоитъ какъ изъ мущинъ, такъ и изъ женщинъ; оно имѣетъ въ виду способствовать дѣлу политической и религіозной свободы въ Россіи всѣми законными средствами.**

. . . . . .

Россія называется самодержавнымъ государствомъ. Но это отнюдь не значитъ, что она управляется единоличною волею царя. Выполненіе такого громаднаго труда

* Циркуляръ этотъ изданъ въ 1893 г. за подписью предсѣдателя общества, г. Спенсъ Ватсона и тогдашняго секретаря Вилльяма Маккензи.—Ред.

** Само собою разумѣется, что подъ законностью разумѣется здѣсь сообразованіе съ англійскими, а не съ русскими царскими законами.—Ред.

силами одного человѣка можетъ, конечно, быть предпринято, но никакъ не выполнено. Дѣйствія русскаго правительства въ сущности опредѣляются чиновниками, рѣшенія которыхъ приводятся въ исполненіе огромною арміей невѣжественныхъ и часто безчеловѣчныхъ подчиненныхъ. Чиновничество это, вообще говоря, заражено продажностью и произволомъ. Чиновники подвергаютъ цѣлые обширные классы населенія жестокостямъ и насиліямъ, составляющимъ, поистинѣ, позоръ человѣчества. Народы другихъ странъ отказались бы одобрять эти безобразія своимъ безмолвіемъ, если бы они имѣли надлежащія свѣдѣнія о происходящемъ. Въ примѣръ можно привести преслѣдованіе евреевъ, штундистовъ . . . и другихъ религіозныхъ исповѣданій, разномыслящихъ съ греко-православною церковью, и возмутительную систему тюремнаго заключенія и ссылки, въ особенности относительно политическихъ арестантовъ.

Со времени реакціи, слѣдовавшей за реформами первыхъ годовъ послѣдняго царствованія* управленіе русскаго правительства не только отличается продажностью, духомъ притѣсненія и жестокостью, но запечатлѣно упрямымъ ретроградствомъ. Какія же средства имѣются въ распоряженіи русскихъ гражданъ для борьбы противъ наложеннаго на нихъ ига? Въ Россіи нѣтъ свободы слова, нѣтъ свободы публичныхъ собраній, нѣтъ свободы исповѣданія. На уста прессы наложена печать. Народъ не имѣетъ голоса въ управленіи страной и всякія (законныя) средства сопротивленія насиліямъ и несправедливостямъ людей, поставленныхъ надъ нимъ, у него отняты. Образованіе систематически дѣлается безплоднымъ. Произвольные аресты по политическимъ обвиненіямъ часто оканчиваются тюремнымъ заключеніемъ и ссылкой безъ всякаго суда («административно»); если-же и допускается судъ, то это судъ безъ присяжныхъ, а право перекрестнаго допроса свидѣтелей находится въ полной власти судебныхъ чиновъ. Нерѣдко заключенные умираютъ, либо сходятъ съ ума вслѣдствіе переносимыхъ страданій. Иногда они прекращаютъ свои муки самоубійствомъ. Тѣ-же, которые выживаютъ до конца срока, возвращаются къ гражданской жизни съ разбитымъ здоровьемъ. Не мало луч-

* Т. е. царствованія Александра II-го.—Ред.

шихъ людей изъ среды интеллигенціи — профессора, учителя, доктора, писатели, обѣщающіе студенты, какъ мущины, такъ и женщины — ссылаются въ сибирскія захолустья и пустыни: жизнь ихъ разбита, а у страны отняты ихъ способности.

Не можетъ ли внѣ-русскій міръ придти на помощь въ этомъ отчаянномъ положеніи дѣлъ? Неужели онъ ничего не можетъ сдѣлать? Напротивъ, нѣсколько послѣднихъ лѣтъ доказало, что онъ можетъ сдѣлать не мало.

Общество Друзей Свободы въ Россіи имѣетъ цѣлью:

1) Доставлять публикѣ точныя свѣдѣнія о такихъ дѣлахъ, совершающихся въ Россіи, которыя тамошній полицейскій надзоръ старается (и часто — успѣшно) укрыть отъ общественнаго глаза. Каждая успѣшная попытка вывести такіе факты на свѣтъ божій неизбѣжно способствуетъ хоть сколько нибудь очищенію атмосферы въ затхлыхъ углахъ Россіи. Какъ о свѣжемъ примѣрѣ такого вліянія можно упомянуть о книгѣ Кеннана «Siberia and the Exyle System». Этимъ путемъ Общество смогло оказать значительное вліяніе на внѣ-русскіе рессурсы самодержавія.

2) Поддержать духъ русскихъ либераловъ* въ ихъ борьбѣ, давая имъ видимое доказательство того, что остальной цивилизованный міръ сердцемъ своимъ — за одно съ ними.

3) Не давать ослабѣвать общественной бдительности и тѣмъ предовращать постоянно грозящую Европѣ и Америкѣ опасность — сдѣлаться невольными сообщниками или подстрекателями въ звѣрствахъ, къ которымъ онѣ могутъ чувствовать только ужасъ. Какъ на одну изъ частностей, доказывающихъ необходимость такой бдительности, можно указать на возможность выдачи политическихъ преступниковъ подъ ложными предлогами.

4) Оказывать русскимъ политическимъ ссыльнымъ въ Сибири такую поддержку, которая могла бы придать имъ бодрости въ попыткахъ вернуть себѣ свободу посредствомъ побѣга.

Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, Общество

* Терминъ этотъ употребленъ здѣсь, конечно, въ англійскомъ смыслѣ слова: для англичанина и земецъ-прогрессистъ, и народоволецъ, и соціаль-демократъ — все «русскіе либералы», пока ближайшей ихъ политической задачей является завоеваніе политическихъ правъ.—Ред.

1) . . . издаетъ въ Англіи ежемѣсячный органъ «Free Russia»; пересылаетъ тотъ-же литературный матерьялъ въ Америку и Германію для отдѣльныхъ мѣстныхъ изданій журнала; издаетъ брошюры, организуетъ лекціи и митинги.

2) Собираетъ необходимыя средства для денежной помощи русскимъ политическимъ ссыльнымъ въ ихъ побѣгахъ. (Жертвователи въ этотъ спеціальный фондъ благоволятъ точно указывать, что они желаютъ такого именно употребленія посылаемыхъ ими денегъ.)

3) . . . собираетъ деньги въ пользу штундистовъ и другихъ угнетенныхъ сектантовъ (взносы въ этотъ фондъ также должны быть специализированы). . . .

. . . Общество весьма желало бы имѣть достаточныя средства, чтобы оплачивать содержаніе собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи, труды которыхъ значительно увеличили бы цѣнность его дѣятельности.

Кромѣ центральной организаціи Общество имѣетъ нѣсколько провинціальныхъ отдѣленій (Branches), работающихъ въ томъ же направленіи, какъ и центръ.

. . . . . .

Общество находитъ поддержку среди людей всѣхъ возможныхъ политическихъ воззрѣній. Нѣсколько членовъ обѣихъ палатъ Парламента — консерваторы, либералы, ирландскіе націоналисты — состоятъ членами Общества, или его Генеральнаго Комитета и дѣлаютъ взносы въ его кассу. . . .

2. Письмо изъ Средне-Колымска къ Р. Спенсъ-Ватсону.

[Напечатано въ англійскомъ переводѣ въ іюньскомъ № *Free Russia* за 1891 г. Русская версія появляется здѣсь впервые съ несущественными пропусками.]

Ваше обращеніе къ своимъ соотечественникамъ дошло до насъ въ этомъ холодномъ, далекомъ краю, забытомъ богомъ и людьми, всего нѣсколько дней тому назадъ, т. е. черезъ полгода послѣ его опубликованія.* Вѣсти изъ родныхъ мѣстъ доходятъ до насъ рѣдко, изъ западной Европы — еще рѣже. . . .

* Рѣчь идетъ о воззваніи, пыпущенномъ Spence Watson'омъ на отдѣльномъ листкѣ, въ которомъ онъ приглашалъ своихъ соотечественниковъ образовать Общество Друзей Свободы въ Россіи. Оно было также напечатано въ первомъ № *Free Russia* (іюнь) за 1890 г. Цитата о «беспредѣльномъ могуществѣ сочувствія», попадающаяся далѣе, также взята изъ этого воззванія.—Ред.

. . . И вдругъ — дружескій голосъ съ Запада! Но даже и счастливая вѣсть, что свободный Западъ начинаетъ понимать насъ, что тамъ находятся люди, желающіе придти намъ на помощь, сперва отозвалась горечью въ нашихъ сердцахъ. . . .

. . . Имѣемъ ли мы право на содѣйствіе чужеземцевъ въ дѣлѣ, которое по праву крови — той, что течетъ въ нашихъ жилахъ и той, что пролита за него нашими братьями — исключительно наше собственное? . . .

. . . Скоро, однако, эти чувства и соображенія уступили мѣсто другимъ, иного рода. . . .

Мы боремся за свободу нашей родины, за обезпеченіе ей мирнаго, ненарушаемаго прогресса, за право любить людей и работать для ихъ блага насколько позволяютъ силы.

Пойдемъ же впередъ, вмѣстѣ, братъ нашъ! Вы вѣрите въ тѣ-же идеи, Вы служите тѣмъ же принципамъ, что и мы. Вы можете одинаково служить имъ и въ Англіи, и въ Россіи; вотъ почему горькое чувство, возбужденное въ насъ, какъ въ русскихъ патріотахъ, должно уступить мѣсто чувству всемірной любви. Теперь именно слѣдуетъ работать для русскаго дѣла, разбить цѣпи, сковывающія наше громадное отечество и дать ей возможность идти въ ногу съ ея прогрессивными товарищами. Россія была слишкомъ долго твердыней реакціи въ Европѣ и лишить реакцію такой твердыни значило бы оказать великую услугу не только самой Россіи, но всей Европѣ, мало того — всему міру. Притомъ-же, развѣ мы не такіе-же дѣти свободнаго Запада? Ваши мыслители были нашими учителями и, читая ихъ, мы воспитывались въ ихъ духѣ точно такъ-же, какъ дѣти Англіи и Франціи. Въ сущности царство мысли и царство любви не имѣютъ границъ, не имѣютъ опредѣленной территоріи.

Итакъ — впередъ! Вы — наши братья и сонаслѣдники того, что завѣщано великими умами и сердцами. Развѣ Авраамъ Линкольнъ, Гарибальди, Маззини, Кошутъ, Викторъ Гюго не такъ же дороги намъ, дѣтямъ Россіи, какъ и Вамъ? Развѣ рѣчи Вилліама Гладстона о «болгарскихъ звѣрствахъ» не трогали наши сердца такъ-же глубоко? . . .

. . . Но что можете вы, друзья отдѣленные отъ насъ разстояніемъ и политическими препятствіями, — что можете вы сдѣлать для насъ? . . .

. . . Въ сущности, вы, уже сдѣлали многое, предпринявъ Вашъ первый шагъ. «Безпредѣльное могущество сочувствія» уже оживило насъ. Надежда оживаетъ въ нашей груди, окружающій мракъ не кажется болѣе такимъ непроницаемымъ и увѣренность въ побѣдѣ высокихъ идеаловъ и торжества свободы и справедливости становится яснѣе. Наше запуганное общество ободрится и новыя силы присоединятся къ борящимся за право и истину; Ваша нравственная поддержка подкрѣпитъ усталыхъ и отчаявшихся. Мы, съ своей стороны, съ удовольствіемъ станемъ снабжать Вашъ органъ матерьялами; мы рады способствовать ознакомленію англичанъ съ нашей дорогой родиной и ея жизнью. . . .

. . . Почта приходитъ къ намъ всего три раза въ годъ. Много, много разъ будемъ мы вглядываться съ ожиданіемъ въ этотъ горизонтъ; много разъ будемъ мы прислушиваться къ мертвой тишинѣ пустыни, прежде чѣмъ дойдутъ до насъ новыя вѣсти. Каковы то онѣ будутъ? Скажутъ ли онѣ намъ что нибудь радостное о васъ, свободные братья? Но каковы бы онѣ ни были, мы будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ въ нашей пустынѣ за полярнымъ кругомъ. А пока мы станемъ бороться изъ-за куска насущнаго хлѣба и мечтать о свободной Англіи, гдѣ вы, ея дѣти, можете бороться за свободу, истину и право.

Прощайте-же, прощайте, братья!

3. Отвѣтъ Р. Спенсъ Ватсона.

(Переводъ съ англійскаго. Изъ № 6 *Free Russia* за 1891 г.)

. . . Мы* не составляемъ партіи; мы не представляемъ какой нибудь доктрины; между нами нѣтъ иной связи, кромѣ любви къ свободѣ и ненависти къ тираніи, гдѣ бы онѣ не встрѣтились. Глубоко сочувствуемъ мы русской революціонной борьбѣ въ ея цѣломъ, какъ бы она ни проявлялась и какъ бы сильно мы ни осуждали, лично, нѣкоторыхъ изъ этихъ проявленій. Не намъ судить, какъ эта борьба должна вестись, или какова должна быть ея конечная цѣль, ея конечный результатъ. Мы столь-же мало ожидаемъ и требуемъ быть допущенными къ участію въ интимныхъ дѣлахъ какой бы то ни было партіи русскихъ политическихъ реформаторовъ, какъ тѣ немногіе англи-

* Т. е. члены Общества Друзей Свободы въ Россіи.—Ред.

чане, которые сочувствуютъ русскому правительству, ожидаютъ, что это правительство станетъ спрашивать ихъ совѣта относительно методовъ правительственной репрессіи. Все, чего мы желаемъ, это — помогать, насколько наши средства дозволятъ это, тѣмъ, кто страдаетъ за свое участіе въ благородной борьбѣ и мы не можемъ не вѣрить, что какъ въ Англіи, такъ и въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ другихъ странахъ существуетъ группа серьезныхъ свободолюбивыхъ мущинъ и женщинъ, которые глубоко сочувствуютъ русскимъ реформаторамъ въ ихъ попыткахъ добиться полной политической свободы, согласно ихъ собственнымъ желаніямъ и тѣми путями, которые они сами изберутъ — все равно, согласны ли они съ русскими реформаторами въ ихъ конечныхъ стремленіяхъ, или нѣтъ.

Мы не можемъ не вѣрить также, что самый фактъ существованія такихъ людей подкрѣпитъ (хотя, конечно, въ очень небольшой степени) силы борцовъ за то великое дѣло, которое такъ много разъ было отодвигаемо назадъ, но которое никогда не можетъ быть и не будетъ уничтожено.

XXXIII. ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ. (1891 — 1896)

Заграничная русская революціонная организація «Фондъ Вольной Русской Прессы» основана въ 1891 г. въ Лондонѣ С. М. Кравчинскимъ (Степнякомъ), Н. В. Чайковскимъ, Л. Э. Шишко, Ф. В. Волховскимъ и М. Войничемъ (И. Кельчевскимъ); въ 1894 году послѣдній выбылъ изъ комитета Фонда и въ него поступило два новыхъ члена: Е. Е. Лазаревъ и Л. Б. Гольденбергъ. Цѣль организаціи опредѣлена въ заявленіи комитета, печатающемся при его изданіяхъ, такъ: «удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ». «Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи», говорилось въ томъ же заявленіи: «издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній». — «Обращеніе запрещенной литературы среди русскихъ обывателей», читаемъ мы въ первомъ отчетѣ Фонда: «полезно не только пропорціонально достоинству ея политическаго содержанія, но и само по себѣ, просто какъ поводъ къ нарушенію полицейскаго запрета, тираническаго и унизительнаго для человѣческаго достоинства личности. Чѣмъ чаще и настойчивѣе совершается такое нарушеніе, тѣмъ скорѣе запретъ превратится въ мертвую букву. Всю Россію нельзя ни арестовать, ни сослать. А между тѣмъ только практика подобныхъ ежедневныхъ нарушеній превращается забитыхъ *обывателей* въ свободныхъ *гражданъ*».

Этотъ принципъ Фондъ проводилъ на практикѣ, распространяя оппозиціонныя и революціонныя изданія самыхъ различныхъ группъ и лицъ (народовольческія, соціаль-демократическія, герценскія, впередовскія, драгомановскія, толстовскія и др.), которыя прямо или косвенно способствовали развитію во всѣхъ классахъ политическаго и общественнаго самосознанія.

Фондъ издалъ до сихъ поръ до 25 книгъ и брошюръ (въ томъ числѣ «Подпольную Россію» Степняка и его брошюры, «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», В. Короленко «Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ, «Ходатайство русскихъ литераторовъ объ облегченіи цензуры», «Гоненія на духоборцевъ», Дикштейна «Кто чѣмъ живетъ» и др.) и съ 25 декабря 1893 г. выпускаетъ также (подъ ред. Ф. Волховскаго) «*Летучіе Листки*» (до сихъ поръ вышло 35 №№).

Съ возникновеніемъ большой петербургской стачки 1896 г. Фондъ поднялъ въ Англіи агитацію и успѣлъ организовать соединенный комитетъ изъ представителей рабочихъ и другихъ организацій для сбора денегъ въ пользу русскихъ стачечниковъ.—Ред.

---

1. Изъ брошюры С. Степняка «Чего намъ нужно» и «Начало конца» 1892

Движеніе 1873 — 1874 годовъ, съ котораго нынѣшнее движеніе ведетъ свое начало, вовсе не было безпочвеннымъ и навѣяннымъ извнѣ, какъ это можетъ показаться поверхностному наблюдателю. Оно было кореннымъ русскимъ движеніемъ, вызваннымъ недовольствомъ крестьянской реформой, недостатки которой стали къ тому времени очевидными и ужь конечно не для одной молодежи.

По существу своему это движеніе было направлено противъ нашего политическаго строя, такъ какъ только новое, свободное государство могло взять на себя и успѣшно выполнить рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Но молодежь не съумѣла формулировать своихъ настоящихъ желаній, а образованное общество не съумѣло понять молодежи. Крайнія, молодыя фракціи были предоставлены собственнымъ силамъ, что заранѣе осуждало движеніе на полную и безплодную гибель.

Дѣйствительное движеніе началось пятью годами позже, когда двѣ трети его участниковъ погибли и сила перваго порыва была израсходована.

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Революція пере-

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходокъ и обществъ (ассоціацій).

Неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ.

Принимая во вниманіе, что Россія не есть однородное цѣлое, но весьма сложное политическое тѣло, признаніе права политическаго самоопредѣленія за всѣми національностями, входящими въ ея составъ, есть необходимое условіе политической свободы.

Понимая такимъ образомъ Народное право, партія ставитъ себѣ задачею: соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матерьяльныхъ средствъ, какими она располагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка.

Будучи убѣждена, что ея стремленія отвѣчаютъ требованіямъ историческаго момента, партія надѣется, что ея зовъ найдетъ горячій отголосокъ въ умахъ тѣхъ, кто еще не потерялъ чувства человѣческаго достоинства, въ комъ самодержавіе еще не вытравило сознанія ихъ гражданскихъ правъ, кому стало непереносно ярмо насилія и произвола, и кому дороги общественное благо и высокіе идеалы истины и справедливости.

XXXV. СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА».

«Союзъ» образовался осенью 1895 года. Кромѣ систематической пропаганды и организаціи среди рабочихъ, «Союзъ» ведетъ дѣятельно активную борьбу съ фабрикантами и правительствомъ. Уже въ 1895 г. онъ принялъ участіе въ организаціи нѣсколькихъ стачекъ петербургскихъ рабочихъ, въ 1896 — въ громадной петербургской стачкѣ 30,000 рабочихъ и въ нѣсколькихъ стачкахъ 1897 г. «Союзомъ» издано за эти два года громадное количество прокламацій къ рабочимъ и къ разнымъ организаціямъ. Одну изъ этихъ прокламацій, — именно «Рабочій праздникъ 1-го мая», помѣченную 19-мъ апрѣлемъ (1 мая н. ст.) 1896 г., мы и помѣщаемъ ниже.

Ред.

Въ минувшемъ году русскіе рабочіе показали своимъ хозяевамъ, что покорность рабовъ смѣняется въ нихъ стойкимъ мужествомъ людей, не поддающихся наглой жадности до даровраго труда капиталистовъ. Въ разныхъ городахъ возникло много стачекъ: въ Ярославлѣ, Тейновѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Москвѣ и др. городахъ. Большинство стачекъ кончилось удачно для рабочихъ, но и неудачныя стачки—неудачны, только повидимому. На самомъ дѣлѣ онѣ страшно пугаютъ хозяевъ, приносятъ имъ большіе убытки и заставляютъ ихъ изъ страха предъ новой стачкой идти на уступки. Фабричные инспектора начинаютъ тоже суетиться и замѣчать бревна въ глазу капиталистовъ. Они бываютъ слѣпы до тѣхъ поръ, пока рабочіе стачкой не откроютъ имъ глаза. Гдѣ-же въ самомъ дѣлѣ замѣчать фабричнымъ инспекторамъ безобразія на фабрикахъ такихъ вліятельныхъ особъ, какъ г. Торнтонъ или акціонеры Путиловскаго завода?

Надѣлали мы хлопотъ хозяевамъ и у насъ въ Петербургѣ. Стачки ткачей у Торнтона, папиросницъ у Лаферма, прядильщиковъ у Лебедева, на фабрикѣ механическаго производства обуви, волненія рабочихъ у Кенига, Воронина и въ порту показали, что мы перестали быть безотвѣтными страстотерпцами и принялись за борьбу. Какъ извѣстно, рабочіе со многихъ фабрикъ и заводовъ образовали у насъ «Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ цѣлью разоблачить всѣ злоупотребленія, искоренять безобразія, бороться съ наглыми притѣсненіями и прижимками нашихъ безсовѣстныхъ эксплуататоровъ хозяевъ и добиться полнаго освобожденія отъ ихъ власти. «Союзъ» распространяетъ листки, при видѣ которыхъ трепещутъ сердца хозяевъ и ихъ вѣрныхъ прислужниковъ—властей. Не листки имъ страшны, а возможность нашего дружнаго сопротивленія нашей могучей силы, которую мы не разъ показывали.

Мы, петербургскіе рабочіе, члены «Союза», приглашаемъ всѣхъ остальныхъ нашихъ товарищей присоединиться къ нашему «Союзу» и способствовать великому дѣлу объединенія рабочихъ для борьбы за свои интересы. Пора и намъ, русскимъ рабочимъ, разорвать цѣпи, которыми опутали насъ капиталисты и правительство, чтобы держать въ угнетеніи, пора и намъ присоединиться къ борьбѣ нашихъ братьевъ, рабочихъ другихъ государствъ, стать съ ними подъ общее знамя, на которомъ написано:

«Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!»